

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук

МАТЕРИАЛЫ К КОРПУСНОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Глагол

Часть I

Редакционная коллегия:
*В. А. Плунгян (Отв. ред.), Е. Р. Добрушина,
Е. В. Рахилина, Н. М. Стойнова*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 81-26
ББК 81.2-2
МЗ41

*Рукопись подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-04-00264
Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-04-16080*

МЗ41 **Материалы к Корпусной грамматике русского языка.** Глагол. Часть I. —
СПб. : Нестор-История, 2016. — 448 с.

ISBN 978-5-4469-0828-8

Сборник состоит из дескриптивных статей по русской грамматике, написанных на материале Национального корпуса русского языка. Предполагается, что в дальнейшем они составят основу раздела «Глагол» «Корпусной грамматики русского языка» — готовящегося коллективом синхронного грамматического описания, главная особенность которого будет заключаться в последовательном использовании обширного массива корпусных данных. Статьи подобраны так, чтобы дать читателю максимально полное представление об общих принципах Корпусной грамматики: это, в первую очередь, последовательная ориентация на эмпирический корпусный материал и анализ количественных данных, а также теоретическая нейтральность и типологический ракурс представления конкретно-языковых фактов. В сборник вошло восемь статей, образующих три тематических блока: «Модальность и наклонение»; «Морфосинтаксис»; «Система причастий». Сборник открывается кратким предисловием, которое знакомит читателя не только со статьями, непосредственно вошедшими в сборник, но и с проектом по созданию Корпусной грамматики в целом. Адресован широкому кругу лингвистов: русистам, специалистам по корпусной лингвистике, лингвистам-типологам, а также студентам и аспирантам лингвистических специальностей.

ISBN 978-5-4469-0828-8

9 785446 908288

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

СТРАДАТЕЛЬНОЕ ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Страдательными причастиями настоящего времени называют причастия, образуемые с помощью суффиксов *-ем / -ом / -им*, ср. *вращаемый, изучаемый, образуемый, несомый, движимый*. Как и другие страдательные причастия и в отличие от действительных причастий, страдательные причастия настоящего времени обычно выступают как средство релятивизации прямого дополнения, ср. *(автор) разрабатывает методику — разрабатываемая (автором) методика*.

Семантика настоящего времени, давшая традиционное название этому классу, наиболее отчетливо прослеживается в таких контекстах, где ситуация, описываемая причастием, совпадает по времени как с моментом речи, так и со временем ситуации, описываемой главной клаузой, ср. *обсуждаемый нами вопрос имеет большое значение*. Однако реальное употребление страдательных причастий настоящего времени далеко не полностью обусловливается сочетанием их пассивной природы и способности отсылать к ситуациям, наблюдаемым в момент речи, см. об этом в п.3.

1. Образование страдательных причастий настоящего времени: морфемная структура и формальные ограничения
 - 1.1. Образование основы страдательных причастий настоящего времени
 - 1.2. Формальные ограничения на образование страдательных причастий настоящего времени
 - 1.3. Акцентуация страдательных причастий настоящего времени
 - 1.4. Выбор между суффиксами *-ом* и *-ем*
 - 1.5. Образование кратких форм страдательных причастий настоящего времени
2. Образование страдательных причастий настоящего времени: регистровые и семантико-синтаксические ограничения
 - 2.1. Страдательные причастия настоящего времени переходных глаголов НСВ
 - 2.2. Релятивизация при помощи страдательных причастий настоящего времени позиций, не соотносимых с прямыми дополнениями
 - 2.2.1. Релятивизация дополнений, оформляемых не винительным падежом
 - 2.2.2. Релятивизация актантов вложенных предикаций

- 2.2.3. Релятивизация подлежащих
3. Краткие формы страдательных причастий настоящего времени
4. Семантика страдательных причастий настоящего времени
 - 4.1. Общие сведения
 - 4.2. Предикативные и депиктивныe употребления страдательных причастий настоящего времени
 - 4.3. Одновременность
 - 4.3.1. Одновременность в узком понимании
 - 4.3.2. Временная нелокализованность
 - 4.3.3. Запланированные действия
 - 4.3.4. Неограниченно-кратные значения
 - 4.3.5. Актуальное результирующее состояние
 - 4.4. Абсолютное настоящее
 - 4.5. Неодновременность
 - 4.6. Ограничения на сочетаемость с обстоятельствами
 - 4.7. Обобщение
5. Адъективация страдательных причастий настоящего времени
 - 5.1. Образования с потенциальным значением
 - 5.1.1. Продуктивность
 - 5.1.2. Семантика потенциальности
 - 5.1.3. Контекстная поддержка
 - 5.1.4. Агентивное дополнение
 - 5.1.5. Образование кратких форм
 - 5.1.6. Образования с потенциальной семантикой от глаголов СВ
 - 5.1.7. Обобщение
 - 5.2. Другие случаи
6. Конкуренция страдательных причастий настоящего времени и действительных причастий настоящего времени возвратных глаголов с пассивным значением
7. Библиография

1. Образование страдательных причастий настоящего времени: морфемная структура и формальные ограничения¹

1.1. Образование основы страдательных причастий настоящего времени

Страдательные причастия настоящего времени образуются путем присоединения к глагольной основе настоящего времени суффиксов причастия *-ом / -ем* (для глаголов первого спряжения, о выборе между

¹ При написании этого раздела использовалась электронная база данных по русскому глаголу, созданная Н. А. Слюсарь на основе «Грамматического словаря русского языка» (переиздан как [Зализняк 2003]), см. <http://slioussar.ru/verbdatabase.html>.

этими двумя вариантами см. п.1.4) или *-им* (для глаголов второго спряжения); после этих суффиксов присоединяются стандартные адъективные окончания. Суффиксы причастия в подавляющем большинстве случаев (см. об исключениях ниже) присоединяются к тому варианту основы, который представлен в форме **Зл. мн.ч. наст.вр.**², ср. для глаголов с чередованиями в основе: *влек-ом-ый* (*влек-у, влеч-ет, влек-ут*), *вид-им-ый* (*виж-у, вид-ит, вид-ят*).

1.2. Формальные ограничения на образование страдательных причастий настоящего времени

Страдательные причастия настоящего времени в современном русском языке используются редко и могут быть образованы лишь от сравнительно небольшой части глаголов. Во-первых, такие причастия (обычно) **не могут** образовываться от **непереходных глаголов** и от **глаголов СВ**, что связано с общим устройством системы причастий русского языка (см. Причастие / п.7). Во-вторых, даже для переходных глаголов НСВ страдательные причастия настоящего времени возможны или по крайней мере естественны далеко не всегда. Ограничения содержательного плана будут рассмотрены ниже (см. о них п.2, особенно п.2.1), здесь же обсуждаются закономерности, которые можно описать в морфонологических терминах.

Согласно [Зализняк 2003: 86], сравнительно регулярно страдательные причастия настоящего времени образуют глаголы следующих классов.

1) Глаголы, у которых основа настоящего времени оканчивается на /Vj/ и при этом ударение в формах настоящего времени падает на основу.

- Глаголы, у которых соотношение основ настоящего и прошедшего времени выглядит как *-aj::-a* (т.е. глаголы 1-го подкласса 1-го словоизменительного класса³): *кача́емый* (ср. *кача́ют, кача́л*). Все такие глаголы в русском языке имеют ударение на основе во всех формах.

² Можно также сказать, что суффикс причастия всегда присоединяется к тому же варианту основы настоящего времени, который используется в формах императива (ср. *создают, создавай* и *создаваемый*), но с возможным несовпадением признака мягкости / твердости у последнего согласного основы, ср. *веди, но ведомый*.

³ Здесь и далее используется классификация глагольных классов, принятая в [Грамматика 1980(1)].

- Глаголы, у которых соотношение основ настоящего и прошедшего времени выглядит как *-yʲ:-ова* (т. е. глаголы 2-го словоизменительного класса), имеющие в формах настоящего времени ударение на основе: *рису́емый* (ср. *рису́ют, рисова́л*). Причастия глаголов того же класса, имеющих ударение в формах настоящего времени на окончании, невозможны или маргинальны: так, например, для *жева́ть* (ср. *жу́ю*) страдательное причастие настоящего времени не фиксируется в Корпусе, в Интернете есть немногочисленные употребления (*жуёмый*).
- Небольшое количество глаголов, у которых соотношение основ настоящего и прошедшего времени выглядит как *-jʲ:-ја* (т. е. глаголы 2-й группы 1-го подкласса 5-го словоизменительного класса): *леле́мый* (ср. *леле́ют, леле́ял*). У всех таких глаголов ударение в формах настоящего времени падает на основу⁴.

Названным выше условиям (основа настоящего времени оканчивается на /Vj/ и при этом ударение в формах настоящего времени падает на основу) удовлетворяют также некоторые глаголы, относимые в [Грамматика 1980(1)] к различным подклассам 1-го словоизменительного класса, а именно глаголы с соотношением основ *-ejʲ:-е* (*иметь, жалеть, разуме́ть, греть*), а также глаголы *брить, дуть, мыть, рыть, крыть*. В Корпусе страдательные причастия настоящего времени хоть сколько-нибудь регулярно (более одного примера) фиксируются только для четырех из этих глаголов (*иметь, жалеть, разуме́ть, брить*), однако и для всех остальных соответствующие формы кажутся приемлемыми и во множестве находятся в Интернете:

- (1) <...> вы <...> находитесь в своей стране, в своей среде, а не в осаждённом врагом лагере, из которого только остаётся делать вылазки и засыпать подземные ходы, *роемые* неприятелем. (ruskline.ru, форум)

Только первому, но не второму из названных выше условий удовлетворяют немногочисленные в русском языке глаголы с соотношением основ *-jʲ:-вај* (т. е. глаголы 8-го словоизменительного класса): *давать, создавать, познавать* и некоторые словообразовательно связанные глаголы, — в формах настоящего времени этих глаголов ударение

⁴ Такими характеристиками среди переходных НСВ обладают *баять, лаять, маять, хаять, чаять, веять, лелеять, сеять, чують*. Среди них в Корпусе встретились причастия от следующих глаголов: *чаемый* (126), *лелеемый* (69), *чумый* (13), *сеемый* (3), *веемый* (2), от остальных четырех — не зафиксировано.

падает на окончания (*создаю*). Страдательные причастия настоящего времени от этих глаголов все же образуются, но при этом используется не обычная основа форм настоящего времени (ср. **создаемый*), а основа, отличающаяся от основы прошедшего времени по типу первого словоизменительного класса: *создаваемый* (та же основа используется в деепричастии настоящего времени и в формах императива, ср. *создавая, создавайте*).

2) Глаголы второго спряжения; они характеризуются соотношением основ Ø::V (и относятся к 10-му словоизменительному классу по [Грамматика 1980(1)]): *хранимый, видимый* (ср. *хранят, хранил; видят, видел*). Согласные, на которые заканчиваются основы настоящего времени у таких глаголов, не могут быть твердыми парными (см. ниже).

ПРИМЕЧАНИЕ. Определенные аналитические сложности могут возникать в связи с такими глаголами второго спряжения, у которых орфографически основа настоящего времени оканчивается на гласную: *строить, таить*. Не вполне очевидно, что во всех формах настоящего времени таких глаголов следует постулировать /j/. Содержательно это вопрос о различимости пар форм типа *строит* и *строят*, т. е. о наличии /j/ в формах типа *строит*. Если допустить, что этого звука там может не быть, то тогда для действительных причастий настоящего времени этих глаголов также следует признать, что они используют основу с вокалическим исходом, а не основу, представленную в форме 3л. мн.ч. (по общему правилу), ср. *таимый, таит, таят*.

Однако для многих глаголов этого класса страдательные причастия настоящего времени употребляются крайне редко, даже если в принципе и могут быть образованы. Так, в словаре И. К. Сазоновой [Сазонова 1989] пометой «неупотребительно»⁵ сопровождаются причастия глаголов *белишь, бодрить, воцить, гладить, глушить, горбить, готовить* (список взят из рецензии Н. А. Еськовой [Еськова 2011: 244]). Данные Корпуса не противоречат приведенной трактовке: для более частотных глаголов из этого списка (5 употреблений на миллион и более: *готовить, глушить, гладить*) фиксируются единичные употребления страдательных причастий настоящего времени, для более редких глаголов такие причастия в Корпусе не представлены. Вопрос о частотности страдательных причастий настоящего времени различных глаголов второго спряжения требует систематического изучения.

⁵ Эта помета отражает промежуточный статус формы между обычными причастиями и такими причастиями, которые «не образуются», т. е. по оценке автора принципиально невозможны.

3) Лишь ограниченно возможно образование страдательных причастий настоящего времени от глаголов с соотношением основ С::Са (за исключением уже рассмотренных выше глаголов с основой настоящего времени на /j/), ср. *рвут* и *рвал*, *сосут* и *сосал*. Отличительной особенностью многих глаголов этого класса (1-го подкласса 5-го словоизменительного класса) является чередование согласных при образовании основы настоящего времени, ср. *пишут* и *писал*, *мажут* и *мазал*, *треплют* и *трепал*. А. А. Зализняк отмечает, что i) среди таких глаголов регулярно образуют страдательные причастия настоящего времени только *глаголать*, *колебать*, *колыхать* и *двигать*, а ii) «теоретически возможные формы *циплемый*, *треплемый*, *сыплемый*, *гложемый*, *полощемый* практически не употребляются» [Зализняк 2003: 111]. Эти сведения полностью подтверждаются данными Корпуса: страдательные причастия всех четырех перечисленных в i) глаголов многократно фиксируются в Корпусе, из категории ii) обнаруживается лишь два вхождения причастия *треплемый*.

ПРИМЕЧАНИЕ. Можно, впрочем, сделать уточнение, касающееся орфографической передачи некоторых из обсуждаемых причастий. А. А. Зализняк отмечает, что вопреки общему правилу причастие *движимый* записывается именно так (с суффиксом, типичным для глаголов второго спряжения) [Зализняк 2003: 111]. В действительности, видимо, здесь действует более широкая тенденция: целый ряд причастий обсуждаемого класса с основой настоящего времени на шипящий или аффрикату могут записываться подобным образом. Это безусловно относится к *колышимый* (в Корпусе только так; впрочем, и ненормативная с орфографической точки зрения личная форма *колышат* в Корпусе тоже встречается), но также, видимо, и к причастиям типа *кличимый*, *гложимый*: они не представлены в Корпусе, но в текстах Интернета записываются таким образом гораздо чаще, чем по общему правилу (*кличемый*, *гложемый*). Ср. также орфографию слова *кажимость*.

4) Отдельно упоминаются А. А. Зализняком как возможные, хотя и редкие, причастия *везомый*, *пасомый*, *несомый*, *ведомый*. Глаголы *везти*, *нести* и *тащить* относятся ко второму подклассу 6-го словоизменительного класса, т.е. к подклассу глаголов с совпадающими основами настоящего и прошедшего времени, оканчивающимися на /б/, /с/, /з/ или /р/. Другие глаголы этого подкласса сколько-нибудь частотных страдательных причастий настоящего времени, согласно данным Корпуса, не образуют. Например, ни разу не употребляется в Корпусе причастие *трясомый*, хотя еще в грамматике Греча [Греч 1830: 375] оно упоминается как возможное и, разумеется, встречается в интернете. Также не представлены в Корпусе страдательные причастия настоящего времени глаголов *грести*, *грызть*, *скрести*, *переть*, *тереть*.

Страдательные причастия настоящего времени глаголов, относящихся к 7-му словоизменительному классу, помимо названного причастия *ведомый*, в Корпусе также отсутствуют (например, такие причастия не образуются от глаголов *блюсти*, *плести*, *прясть*).

ПРИМЕЧАНИЕ. На самом деле частотность перечисленных четырех возможных образований совсем не одинакова. В Корпусе *везомый* лишь дважды встречается в текстах, созданных после 1950 года, *пасомый* в современных текстах употребляется почти исключительно в качестве субстантивированного причастия в текстах религиозного содержания, *несомый* встречается регулярно, но гораздо реже, чем в предшествующие эпохи (в текстах, созданных после 1950 года, на это причастие приходится лишь 0,4% форм глагола *нести*, а для текстов, созданных до 1900 года, этот показатель равнялся 1,5%). Лишь причастие *ведомый* сохраняет, видимо, стабильную частотность (ее сложно оценить точно из-за того, что оно пишется так же, как более частотное *ведомый*).

Таблица 1. Частотность причастий *везомый*, *пасомый*, *несомый*

	...-1949		1950-...	
	N	ipm	N	ipm
<i>везомый</i>	46	0.42	2	0.02
<i>пасомый</i>	56	0.51	59	0.48
<i>несомый</i>	107	0.97	65	0.53
объем корпуса	110406605		123411770	

Единственный глагол, не попадающий в группы, перечисленные А. А. Зализняком, для которого в Корпусе все же регулярно фиксируется страдательное причастие настоящего времени, — это глагол *влечь*: причастие *влекомый* встречается 332 раза. К тому же словоизменительному типу (1-му подклассу 6-го словоизменительного класса), т. е. к классу глаголов, которые характеризуются совпадением основ настоящего и прошедшего времени и основы которых при этом заканчиваются на заднеязычный, а в формах настоящего времени наблюдается чередование с аффрикатой (ср. *влекут*, *влечем*), относятся еще 8 переходных глаголов НСВ: *стричь*, *толочь*, *беречь*, *волочь*, *жечь*, *печь*, *сечь*, *стеречь*. В общей сложности на все эти 8 глаголов в Корпусе приходится лишь 11 случаев употребления страдательных причастий настоящего времени, при этом преимущественно они встречаются в текстах, созданных до начала XX в.

Для глаголов других классов формы страдательных причастий настоящего времени в Корпусе не представлены или представлены единичными примерами (например, аномальное *едомый* с суффиксом, ожидаемым для глаголов первого спряжения, — 4 вхождения).

Обращение к текстам Интернета позволяет увидеть более сложную картину. Для некоторых глаголов, не представленных в изложении выше, формы страдательных причастий настоящего времени

образуются, видимо, сравнительно продуктивно. Так, встречаются сотни примеров страдательных причастий настоящего времени от только что обсуждавшихся глаголов того же словоизменительного типа, что и *влечь*: *стригомый, берегомый, стерегомый, секомый* и др. Возможно, их не следует считать формами, существующими в русском литературном языке, однако ясно, что носители языка могут конструировать такие формы в случае необходимости. С другими группами глаголов ситуация оказывается иной: так, для глаголов *молоть, тянуть, лизать, вязать, тянуть, жать, бить* обсуждаемые причастия почти не фиксируются в Интернете, а немногие обнаруживаемые примеры часто неединообразны по форме (ср. *лизаемый* — 17 точных вхождений, *лижимый* — 3, *лизомый* — 2, а вот грамматически закономерная форма **лижемый* не встречается ни разу) и только подтверждают тот вывод, что носители русского языка испытывают значительные трудности формального плана при образовании таких причастий.

1.3. Акцентуация страдательных причастий настоящего времени

В рамках своей словоизменительной парадигмы страдательные причастия настоящего времени имеют фиксированное положение ударения. Обычно говорится, что это положение совпадает с положением ударения в форме 1л. ед.ч. наст.вр. [Исаченко 1960/2003: 549–550]; [Грамматика 1980(1): 694]. Это утверждение полностью отражает ситуацию с глаголами второго спряжения, многие из которых имеют подвижное ударение в рамках парадигмы настоящего времени, ср. *судимый* и *сужу́*, но *судишь* и т. д.

А. А. Зализняк предлагает, однако, более сложное правило: в причастиях глаголов второго спряжения ударение ставится на том же слоге, что в форме 1л. ед.ч. наст.вр., а вот для глаголов первого спряжения утверждается, что ударение в причастии приходится на тот же слог, что и в форме 1л. мн.ч. На первый взгляд, такое уточнение меняет очень мало: подавляющее большинство глаголов первого спряжения, которые вообще образуют страдательные причастия настоящего времени, — это глаголы с неподвижным ударением в формах настоящего времени (см. выше). Однако отдельное правило для глаголов первого спряжения позволяет описать такие маргинальные причастия, как *трéплемый, щиплемый* (ср., например, *треплю́*, но, действительно, *трéплем*). Заметим, что в [Грамматика 1980(1): 694] именно эти два образования подаются как исключения из общей закономерности.

Однако признавать эти причастия исключениями не только менее экономно, но, видимо, эмпирически не вполне адекватно: при всей маргинальности образований типа *щекóчемый / щекóчимый, пи́шемый / пиш́имый* и т. д. ясно, что в случае употребления в речи они получают ударение на основе, т. е. не там, где ставится ударение в форме 1 л. ед. ч. (ср. *щекочу́*, но *щекóчел*). Таким образом, двухчастное правило, предложенное А. А. Зализняком, позволяет описать акцентуацию страдательных причастий настоящего времени более точно.

ПРИМЕЧАНИЕ. Исключением из особого правила А. А. Зализняка для глаголов первого спряжения могут показаться формы *искóмый* и *писóмый*, в которых ударение ставится на том же слоге, что в личной форме 1-го лица ед. ч. (ср. *ищу́*, но *и́щем*). Однако обе эти формы вообще не могут считаться образованными по общим правилам причастиями глаголов *искать* и *писать* соответственно, хотя бы потому, что в них фиксируется основа, не совпадающая с основой личных форм настоящего времени (и вообще не представленная в формах этих глаголов).

1.4. Выбор между суффиксами -ом и -ем

Выше не был рассмотрен вопрос о выборе между суффиксами *-ом* и *-ем*, используемыми для образования причастий от глаголов первого спряжения. Система литературных причастий русского языка позволяет описать это распределение двумя разными способами.

1) Суффикс *-ом* присоединяется к основам настоящего времени, заканчивающимся на парнотвердый согласный (эта основа выявляется по форме 3 л. мн. ч.), а суффикс *-ем* — в оставшихся случаях.

2) Суффикс *-ом* для причастий глаголов первого спряжения выбирается тогда, когда на суффикс причастия должно приходиться ударение (о правилах акцентуации см. выше п. 1.3), а суффикс *-ем* — в оставшихся случаях.

Почти полная эквивалентность этих двух закономерностей объясняется двумя обстоятельствами.

Во-первых, глаголов, у которых основа настоящего времени заканчивается на парнотвердый согласный, немного.

ПРИМЕЧАНИЕ. В некоторых классах таких глаголов не представлены или почти не представлены переходные глаголы НСВ, т. е. те глаголы, от которых в принципе может быть образовано страдательное причастие настоящего времени (например, *гнуть* и *тянуть* — единственные два переходных глагола НСВ в 3-м словоизменительном классе; страдательные причастия настоящего времени от них не образуются).

Почти все такие глаголы в форме 1 л. мн. ч. настоящего времени имеют ударение на окончании. Таким образом, по правилу, описанному в п. 1.3,

в образованных от них причастиях ударение должно падать на суффикс, а тогда приведенные выше правила 1) и 2) дают для этих глаголов одинаковый результат, ср. *ведём, ведут* и *ведо́мый, влечём, влеку́т* и *влеко́мый*. Этот факт объясняет отсутствие глаголов, для которых первое правило предсказывало бы вариант *-ом*, а второе — вариант *-ем*.

Разные предсказания объяснения 1) и 2) дают для глагола *жаждать* (ср. нормативное *жа́ждут*; во всех формах этого глагола ударение падает на основу)⁶. В Корпусе страдательные причастия настоящего времени от этого глагола не встречаются. При этом, судя по текстам Интернета, при необходимости образовать причастие от этого глагола бо́льшая часть носителей использует формы причастия *жа́ждемый* (в ней, вопреки общему правилу, описанному в п.1.1, основа, к которой присоединяется суффикс причастия, не совпадает с основой в форме 3л. мн.ч.), а меньшая часть — формы типа *жа́ждомый*, которые уникальны тем, что в них представлен безударный суффикс *-ом*.

Во-вторых, переходных глаголов НСВ первого спряжения с ударением на окончании в форме 1л. мн.ч. наст.вр. с основой, **не** заканчивающейся при этом на парнотвердый согласный, тоже немного. В основном это глаголы с односложным инфинитивом, которые вообще не образуют обсуждаемых причастий (*бить, мять, слать*). Также в эту категорию попадает глагол *давать* и подобные ему; однако они, как уже говорилось выше, вообще образуют страдательные причастия настоящего времени от другой основы (*даваемый*, а не ожидаемое **даёмый*). Все эти факты объясняют отсутствие в литературном языке таких глаголов, для которых первое правило требовало бы суффикса *-ом*, а второе — суффикса *-ем*. В случае маргинального образования причастий от глаголов с обсуждаемыми характеристиками возникает орфографический вариант суффикса *-ём*, не представленный в литературном языке (ср. *жуёмый*).

1.5. Образование кратких форм страдательных причастий настоящего времени

С точки зрения морфемной структуры страдательные причастия настоящего времени регулярно образуют краткие формы по обычной адъективной модели с фиксированным ударением (ср. *чита́емый* и *чита́ем, чита́ема, чита́емо, чита́емы*).

⁶ О страдательных причастиях от глаголов, при финитных употреблениях которых объект кодируется не винительном падежом, а иначе, см. п.2.2.

2. Образование страдательных причастий настоящего времени: регистровые и семантико-синтаксические ограничения

Основное содержательное ограничение на образование страдательных причастий настоящего времени состоит в том, что они образуются почти исключительно от **переходных** глаголов НСВ. К этому общему утверждению можно сделать три дополнения.

Во-первых, те же самые суффиксы, при помощи которых образуются страдательные причастия настоящего времени глаголов НСВ, могут присоединяться к глаголам СВ, и этот процесс подчиняется тем же формальным закономерностям, которые были описаны в п.1. Такие образования в подавляющем большинстве случаев имеют значения: 'такой, который можно подвергнуть действию, обозначаемому глаголом' и рассматриваются обычно не как причастия, а как «псевдопричастия» или просто как прилагательные, см. о них п.5.1. Таким образом, в парах типа *допускаемый* и *допустимый*, *возбуждаемый* и *возбудимый*, *ощущаемый* и *ощутимый* первые члены обычно трактуются как причастия (или как единицы с двойной частеречной принадлежностью⁷), а вторые — только как прилагательные.

ПРИМЕЧАНИЕ. Л.П. Калакуцкая упоминает возможность и иных значений у таких форм, например: *лучше в Волге быть мне утопимому, чем на свете жить мне нелюбимому* (Русская народная песня) [Калакуцкая 1971: 143], отмечая, что они не получают значения референции к будущему, характерного для параллельных маргинальных форм действительных причастий [Калакуцкая 1971: 143]. В Корпусе такие употребления обнаружить не удается.

Во-вторых, на образование страдательных причастий настоящего времени глаголов НСВ часто накладываются дополнительные содержательные ограничения, что будет рассмотрено в п.2.1.

В-третьих, иногда при помощи страдательных причастий настоящего времени релятивизируются единицы, не являющиеся каноническими аккузативными прямыми дополнениями (в частном случае причастия образуются от непереходных глаголов); этой проблеме посвящен п.2.2.

⁷ Возможность такой двойственной трактовки обусловлена тем, что значение типа 'способный подвергаться действию' нередко фиксируется и для адъективирующихся страдательных причастий настоящего времени глаголов НСВ, ср. *видимый*, см. об этом п.5.1.

2.1. Страдательные причастия настоящего времени переходных глаголов НСВ

Для переходных глаголов НСВ употребление страдательных причастий настоящего времени ограничено во многих отношениях. Так, часто отмечается, что эти причастия с течением времени выходят из употребления и в современном языке нередко звучат архаично. Эти сведения в целом подтверждаются данными в Таблице 2, где показана частотность этих причастий в художественных текстах разных периодов.

Таблица 2. Частотность полных форм причастий различных типов в текстах разных периодов (по Подкорпусу художественных текстов со снятой омонимией)

		...—1850	1851—1950	1951—...
объем подкорпуса		209 162	757 854	2 725 533
действительные причастия настоящего времени	N	333	1531	2822
	ipm	1592	2020	1035
	%	20,1 %	23,1 %	21,9 %
действительные причастия прошедшего времени	N	359	1662	2824
	ipm	1716	2193	1036
	%	21,7 %	25,0 %	21,9 %
страдательные причастия настоящего времени	N	79	203	379
	ipm	378	268	139
	%	4,8 %	3,1 %	2,9 %
страдательные причастия прошедшего времени	N	885	3242	6871
	ipm	4231	4278	2521
	%	53,4 %	48,8 %	53,3 %
всего	N	1656	6638	12 896

Данные в Таблице 2 показывают, что в художественных текстах у страдательных причастий настоящего времени с течением времени уменьшалась не только собственно текстовая частотность (в употреблениях на миллион, ipm) — такая динамика наблюдается в XX в. для всех типов причастий, — но и доля, которую они занимают среди всех причастий. Уже в текстах, созданных в XVIII и первой половине XIX в., эти причастия являются самым редким типом причастий (меньше 5 % всех причастных форм), но впоследствии их доля еще уменьшается (около 3 % в текстах, созданных с середины XIX в., различие между первым периодом и двумя оставшимися статистически значимо, χ^2 , $p < 0.001$). Как будто бы суждение о постепенном выходе обсуждаемых причастий из употребления подтверждается.

Здесь, однако, важно сделать одну оговорку. В литературе отмечалось, что страдательные причастия настоящего времени являются

жанрово специализированными, имеют «окраску деловой и книжной речи» [Граудина 1980: 225] (см. также [Исаченко 1960/2003: 547]; [Калакуцкая 1971: 147]). Эту мысль косвенно подтверждают данные в Таблице 3, где показана частотность обсуждаемых причастий в художественных и нехудожественных текстах разных периодов.

Таблица 3. Частотность полных форм страдательных причастий настоящего времени в художественных и нехудожественных текстах разных периодов (по Подкорпусу текстов со снятой омонимией)

		...–1850	1851–1950	1951–...
художественные тексты	объем подкорпуса	209 162	757 854	2 725 533
	N	79	203	379
	ipm	378	268	139
нехудожественные тексты	объем подкорпуса	93 171	336 502	1 994 027
	N	119	313	2514
	ipm	1277	930	1261

Данные в Таблице 3 показательны в двух отношениях. Во-первых, по ним видно, что во все рассмотренные эпохи частотность полных форм страдательных причастий настоящего времени во много раз выше в нехудожественных текстах (т.е. в текстах официально-деловой, публицистической, учебно-научной и подобных сфер функционирования), чем в текстах художественных. Во-вторых, в то время как в художественных текстах частотность обсуждаемых причастий неуклонно и быстро сокращалась, для нехудожественных текстов такой тенденции не наблюдается. Этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании, так как очевидно, что и художественные, и нехудожественные тексты могут быть неоднородны в плане частотности причастий, однако уже полученные данные позволяют скорректировать суждение об общем сокращении частотности страдательных причастий настоящего времени.

Иногда в литературе делается утверждение о том, что страдательные причастия настоящего времени легче всего образуются от глаголов с абстрактным значением, в то время как у глаголов конкретной семантики такие образования затруднены или малоупотребительны [Исаченко 1960/2003: 548]; [Калакуцкая 1971: 147]. Это предположение, видимо, соответствует действительности, однако проверить его корпусными методами, отделив эту проблему от проблемы жанровой стратификации причастий, затруднительно.

ПРИМЕЧАНИЕ. Собственно говоря, исследовать корпусными методами проблему жанровой стратификации причастий, полностью отделив ее от проблемы соотношения абстрактной и конкретной лексики, тоже затруднительно.

Различие состоит, однако, в том, что жанровая разметка текстов в Корпусе присутствует, а вот противопоставление (тем более бинарное) между глаголами с абстрактной и конкретной семантикой в разметке Корпуса не проводится.

Это семантическое по природе различие соотносимо и с этимологическим различием. Страдательное причастие настоящего времени — форма церковнославянского происхождения [Исаченко 1960/2003: 360]. В своей Российской грамматике М. В. Ломоносов уверенно говорит о том, что страдательные причастия настоящего времени образуются только от таких глаголов, которые существовали (и) в церковнославянском языке, в то время как глаголы, характерные только для собственно русского языка, этих причастий не образуют. Этот тезис иллюстрируется гипотетическими причастиями *трогаемый, качаемый, мараемый*, которые, по утверждению Ломоносова, «весьма дики и слуху несносны» [Ломоносов 1755: 177]. Видимо, за последующее время ситуация во многом размылась (например, причастие *качаемый* встречается в текстах XIX и XX в. регулярно), однако тяготение страдательных причастий настоящего времени к глаголам с абстрактной семантикой может быть связано и с их происхождением.

Н. А. Еськова утверждает, что страдательные причастия (не только настоящего, но и прошедшего времени), как, впрочем, и синтетические формы возвратного пассива (см. Возвратность), не образуются от каузативных глаголов эмоций (в формулировке Н. А. Есковой — глаголов, имеющих значение «служить причиной того, что X находится в определенном состоянии», при том, что X — «непреренно лицо или что-то, связанное с лицом») [Еськова 2011: 249]. Отчасти опираясь на лексикологический материал, представленный в словаре И. К. Сазоновой [Сазонова 1989], но существенно выходя за его пределы, Н. А. Еськова иллюстрирует свой тезис тем, что затруднительно образование пассивных форм (причастных и личных) от глаголов *бесить, веселить, злить, интересоваться, гневить, заботить, печалить, смешить, страшить*. Материал Корпуса подтверждает утверждение Н. А. Есковой в том, что касается приводимых ею примеров, однако ясно, что многие другие переходные глаголы эмоций все же легко образуют страдательные причастия настоящего времени, ср. *волнующий, тревожимый, смущаемый, обижаемый*. Таким образом, принадлежность к обсуждаемой семантико-синтаксической группе глаголов действительно может препятствовать употреблению страдательных причастий настоящего времени, однако этот фактор действует не абсолютно.

Наконец, в литературе отмечалось, что среди глаголов НСВ страдательные причастия настоящего времени легче образуют **вторичные** приставочные имперфективы на *-ыва(-ива)/-ва/-а* [Карцевский 1962: 227]; [Князев 2007: 490]⁸. На материале Корпуса это утверждение статистически подтверждается.

Таблица 4. Страдательные причастия настоящего времени: вторичные имперфективы vs. другие глаголы (по Подкорпусу текстов, созданных после 1980 года, со снятой омонимией)

	всего форм	причастий на <i>-мый</i>	%
переходные вторичные имперфективы	19 213	750	3,9%
прочие переходные глаголы НСВ	95 524	1821	1,9%
всего	114 737	2571	2,2%

Данные в Таблице 4 показывают, что, действительно, страдательные причастия настоящего времени вторичных имперфективов (*вкладываемый, сдерживаемый, пробиваемый* и т. д.) используются примерно в два раза чаще (различие статистически значимо, χ^2 , $p < 0.001$), чем аналогичные причастия иных переходных глаголов НСВ. Отчасти эта закономерность может быть связана не с семантикой и словообразованием, а с ограничениями формального плана. Дело в том, что многие первичные (непроизводные) имперфективы относятся к таким словоизменительным классам, в которых образование страдательных причастий настоящего времени затруднено (ср. приведенные выше вторичные имперфективы и глаголы *класть, держать, бить*, для которых такие причастия невозможны или неестественны)⁹, в то время как вторичные имперфективы относятся к классу глаголов с соотношением основ настоящего и прошедшего времени *-ај:--а*.

По всей видимости, однако, есть и семантические факторы, благоприятствующие возможности образования страдательных причастий настоящего времени от вторичных приставочных имперфективов. Во-первых, об этом говорят такие пары первичных и вторичных

⁸ По сути дела то же утверждение делается в [Грамматика 1980(I): 667], где говорится о том, что среди глаголов первого словоизменительного класса обсуждаемые причастия наиболее легко образуют приставочные глаголы.

⁹ Тот факт, что вторичные имперфективы в ряде случаев образуют страдательные причастия настоящего времени с большей легкостью, чем непроизводные глаголы НСВ, отмечал еще Н. Греч [Греч 1830: 375]. Судя по всему, он считал, что объяснение этой закономерности лежит в формальной плоскости; во всяком случае он говорит о невозможности образовывать обсуждаемые причастия от глаголов типа *лить, слать, тереть* и о том, что «в случае надобности» можно использовать причастия типа *изливаемый, посылаемый, отираемый*.

имперфективов, в которых оба глагола относятся к словоизменительному типу с соотношением основ настоящего и прошедшего времени *-aj::-a*. В Таблице 5 приведены сведения о частотности страдательных причастий настоящего времени от нескольких глаголов, входящих в такие пары.

Таблица 5. Страдательные причастия настоящего времени: первичные vs. вторичные имперфективы (Основной корпус)*

первичный	личные	причастие	%	вторичный	личные	причастие	%
<i>глотать</i>	1546	11	0.7	<i>проглатывать</i>	281	9	3.2
<i>качать</i>	3279	30	0.9	<i>скачивать</i>	28	4	14.3
				<i>накачивать</i>	139	8	5.8
<i>копать</i>	1271	0	0	<i>выкапывать</i>	242	5	2
<i>читать</i>	48047	444	0.9	<i>прочитывать</i>	588	19	3.2

* Поиск велся по всему Основному корпусу. В столбце «личные» отражена общая частотность форм изъявительного наклонения. В столбце «причастия» — частотность полных форм страдательного причастия настоящего времени. Включены сведения только о таких парах, в которых хотя бы у одного из глаголов страдательные причастия настоящего времени зафиксированы в Корпусе; соответственно, в таблицу не попадают такие пары, как *итопать* — *заитопывать*, *марать* — *замарывать* и т. д.

Можно видеть, что, хотя относительная частотность страдательных причастий настоящего времени для разных глаголов совсем не совпадает, у вторичных имперфективов в этих парах она систематически оказывается выше, чем у первичных.

Во-вторых, о той же тенденции косвенно говорят данные о частотности страдательных причастий настоящего времени от переходных глаголов ненаправленного движения *носить*, *возить*, *водить* и от связанных с ними приставочных глаголов, обычно являющихся парными глаголами НСВ к предельным глаголам направленного движения (ср. *принести* и *приносить*, *ввезти* и *ввозить* и т. д.).

Таблица 6. Образование страдательных причастий настоящего времени у глаголов *носить*, *возить*, *водить* и приставочных глаголов с этими компонентами (Основной корпус)

	всего форм	причастий на <i>-мый</i>	%
<i>носить</i> , <i>возить</i> , <i>водить</i>	38417	294	0.8%
приставочные глаголы (<i>приносить</i> и т. д.)	200767	8935	4.6%

Глаголы типа *приносить* образуют страдательные причастия настоящего времени чаще, чем глаголы типа *носить* (различие статистически значимо, χ^2 , $p < 0.001$). При этом все сопоставляемые глаголы относятся к одному словоизменительному типу, следовательно, причины выявленных различий лежат не в области словоизменения как такового, а в области семантики. По всей видимости, фактором, способствующим

употребительности страдательного причастия настоящего времени, является соотносительность глагола НСВ с пределом. Вероятно, это верно также и для упоминавшихся выше вторичных приставочных имперфективов.

ПРИМЕЧАНИЕ. Еще одним аргументом в пользу того, что страдательные причастия легче образуются от вторичных имперфективов именно по семантическим причинам, является то, что аналогичное, и даже более сильное, неравенство в парах «первичный — вторичный имперфектив» нередко наблюдается и при образовании личных форм страдательного залога при помощи возвратного показателя *-ся*. Действительно, формы типа *илется, катится, трется* используются в пассивном значении редко, в то время как для соответствующих вторичных имперфективов (*посылается, выкатывается, натирается*) пассивная интерпретация вполне обычна (см. Переходность / п.1.1.2). То, что похоже различия между первичными и вторичными имперфективами наблюдаются для двух формально несходных, но функционально близких процессов, говорит в пользу семантической природы наблюдаемой закономерности.

2.2. Релятивизация при помощи страдательных причастий настоящего времени позиций, не соотносимых с прямыми дополнениями

При помощи страдательных причастий настоящего времени иногда могут подвергаться релятивизации единицы, не соотносимые с прямым дополнением переходного глагола; в частном случае причастия могут образовываться от глаголов, не являющихся переходными, по крайней мере в привычном смысле. Такие отклонения характерны также и для некоторых страдательных причастий прошедшего времени¹⁰, при этом во многом свойства таких отклонений для двух типов причастий совпадают. По этой причине здесь иногда будут привлекаться и данные, касающиеся страдательных причастий прошедшего времени.

При помощи страдательных причастий настоящего времени, помимо канонических прямых дополнений, релятивизации могут также иногда подвергаться а) дополнения, в норме оформляемые творительным, родительным, дательным падежом или другими периферийными средствами (п.2.2.1), б) актанты вложенных предикаций, заполняющих валентность того глагола, от которого образовано причастие, (п.2.2.2), в) подлежащие (п.2.2.3).

¹⁰ Как и для некоторых синтетических форм пассива, т. е. пассива, маркируемого возвратным показателем, см. об этом Переходность / п.1.1.1.

2.2.1. Релятивизация дополнений, оформляемых не винительным падежом

Среди страдательных причастий, образованных от глаголов, управляющих не винительным, а каким-либо иным падежом, чаще всего упоминаются глаголы семантического класса управления, обычно требующие творительного падежа: *управляемый, руководимый, командуемый, предводительствуемый*, ср. *управлять (чем), руководить (чем)* и т. д. [Князев 2007: 526]; [Грамматика 1980(1): 668]. Такие причастия составляют и основную массу результатов по корпусному запросу «страдательное причастие настоящего времени непереходного глагола». По этому запросу в Подкорпусе текстов со снятой омонимией¹¹ были получены следующие результаты: *управляемый* (21 вхождение), *руководимый* (19), *достижимый* (6), *покровительствуемый* (2), *предводительствуемый* (2), *пренебрегаемый* (1), *обладаемый* (1), *угрожаемый* (1).

Можно заметить, что в этом списке присутствуют и глаголы других семантических групп (*пренебрегать, обладать*), и глаголы с другими моделями управления — требующие родительного (*достигать*) или дательного (*покровительствуемый, угрожаемый*) падежа:

- (2) Их семьи пользовались жилищными льготами, продовольственным снабжением по высшим нормам, правом первоочередной эвакуации из *угрожаемых* с воздуха районов. [В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

Возможно, распространенность обсуждаемого явления несколько выше, чем можно представить по приведенным числам (в общей сложности 53 примера в Подкорпусе объемом чуть меньше 6 миллионов словоформ). Так, некоторые образования трактуются в Корпусе как прилагательные, хотя, видимо, могут все же употребляться и как несомненные причастия:

- (3) Стремление к конечному абсолютному покою через выделение всей *обладаемой* тобою энергии. [М. Веллер. Белый ослик (2001)]

В этом примере при причастии есть агентивное дополнение (*тобою*), никаких семантических признаков адъективизации не наблюдается.

¹¹ В текстах с неснятой омонимией не размечен признак переходности, поэтому поиск велся только по текстам со снятой омонимией.

Если выйти за пределы Национального корпуса и особенно если обратиться к менее кодифицированным регистрам речи, можно обнаружить, что список глаголов, не являющихся прямопереходными, но при этом допускающих в той или иной мере образование страдательных причастий, весьма обширен¹².

Проблеме косвенной пассивизации в русском языке целиком посвящена работа [Fowler 1996], а подробное корпусное обсуждение, ориентированное именно на причастную релятивизацию, можно найти в [Холодилова 2011: 48–52]¹³.

Интересно, что помимо многочисленных глаголов, управляющих косвенными падежами и при этом хотя бы маргинально допускающих образование страдательных причастий, обнаруживаются также и глаголы, при которых объект обычно оформляется в составе предложной группы. Такие примеры есть и в Корпусе¹⁴:

- (4) Были такие, где полагались и хозяйка, и экономка, и кухарка, и горничная, а были и такие, где все четыре должности совмещались в одной хозяйке, при помощи самых *надзираемых* ею женщин, которых, конечно, в таком случае полагалось и число минимальное, и качество попроще. [А. В. Амфитеатров. Марья Лусьева (1903)]
- (5) Но я ведь не на день рождения или какой-либо другой праздник пришёл, чтобы произносить здравицы и тосты с грузинским преувеличением достоинств «*тостуемого*» ... [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)]

¹² Страдательные причастия прошедшего времени обсуждаемого типа менее многочисленны, чем причастия настоящего времени. В их число входят некоторые видовые корреляты к тем глаголам, которые допускают образование страдательных причастий настоящего времени (ср. *достигнутый* и *достигаемый*), а также единичные образования типа *польщенный* (ср. *польстить* кому-л.).

¹³ М. А. Холодилова, в частности, опровергает вывод Дж. Фаулера, утверждавшего, что относительно продуктивно пассивизации подвергаются глаголы, управляющие родительным и творительным, но не дательным падежом, и что среди дативных глаголов такое явление, когда оно фиксируется, объясняется либо сменой глагольного управления, либо влиянием французского языка.

¹⁴ В разметке Корпуса *надзирать* и *тостовать* разобраны как переходные глаголы, однако найти переходные употребления частотного *надзирать* в Корпусе не удастся, а редкий глагол *тостовать*, судя по его употреблению в текстах интернета, преимущественно используется без объекта (переходные употребления единичны, чаще встречается *тостовать за кого-то*).

2.2.2. Релятивизация актантов вложенных предикаций

В ряде случаев при помощи причастия релятивизируется такой участник, который вообще не может считаться актантом того глагола, от которого образуется причастие. Такая ситуация характерна для страдательных причастий, образованных от некоторых матричных глаголов, т.е. глаголов, способных присоединять предикатный (сентенциальный) актант. При помощи причастий этих глаголов иногда релятивизируется участник вложенной предикации — предикации, заполняющей семантическую валентность глагола, от которого образуется причастие. Такое наблюдается, например, в следующем примере:

- (6) Дышать свежим воздухом он мог только в определённые часы, *разрешаемые* тюремным начальством. [А. Солженицын. В круге первом (1968)]

Вообще говоря, глагол *разрешать* может использоваться как переходный (*иногда ему разрешали прогулку*), однако структуру примера (6) этим объяснить невозможно: употребление **тюремное начальство разрешало определённые часы* кажется грамматически неприемлемым, а главное, вторым семантическим актантом глагола *разрешать* (наряду с *тюремным начальством*) в приведенном примере является предикация, примерно соответствующая содержанию клаузы *он мог дышать воздухом в такие-то часы*. Соответственно в высказывании (6) «часы» характеризуются через их роль в этой вложенной предикации, представляющей содержание разрешения. Описываемое явление подробно обсуждается в [Холодилова 2011: 55–58] в терминах «перетягивания зависимых».

Подобно причастию *разрешаемый* из примера (6) могут функционировать и страдательные причастия некоторых других глаголов: *предполагаемый, ожидаемый, требуемый, желаемый*, а также *разрешенный, запрещенный, вынужденный* (в значении ‘не добровольный’).

ПРИМЕЧАНИЕ. Некоторые из соответствующих глаголов могут принимать дополнения в винительном падеже, т.е. использоваться как переходные в узком смысле (ср. *запланировали встречу*), а другие нет, однако сейчас обсуждаются случаи, когда релятивизируемое при помощи причастия имя не может выступать в качестве прямого дополнения этих глаголов (*запланированное время*, но **запланировали время*).

В большинстве случаев при этих причастиях отсутствуют зависимые, соответствующие их предикатному актанту. Так, в примере (6) содержание разрешения восстанавливается по предшествующему

тексту. В примере (7) значение предикатного актанта глагола *предполагать* ('Х изобрел латынь') «свернуто» при помощи имени деятеля¹⁵:

- (7) Нам ничего не остаётся, как признать за *предполагаемым* изобретателем латыни поистине сверхчеловеческое всезнание. [А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко (2000)]

ПРИМЕЧАНИЕ. Интерпретируя подобные примеры, М. А. Холодилова говорит о возможности восстановления предиката 'быть'; так, конструкция *к ожидаемому месту приземления парашютиста* сравнивается с *тому, про что мы ожидали, что это будет местом приземления парашютиста* [Холодилова 2011: 57].

Иногда сентенциальный актант может реализовываться в качестве зависимого причастия, однако он не может оформляться обычным для личных форм способом (инфинитивом или придаточным предложением). Так, в следующем примере сентенциальный актант оформлен как имя действия с предлогом *для*:

- (8) Информация, *запрещенная для обнародования* в период избирательных кампаний [«Независимая газета» (2003)] — Ср.: *информацию запретили для обнародования; *информация, запрещенная обнародовать; *информация, запрещенная, что(бы) обнародовали.*

2.2.3. Релятивизация подлежащих

Формы, образованные как страдательные причастия, могут использоваться и для релятивизации подлежащего (непереходного) глагола. Этот случай подробно обсуждается в [Холодилова 2011: 35–48].

Для страдательных причастий настоящего времени такие ситуации в целом маргинальны, во всяком случае характерны гораздо меньше, чем для страдательных причастий прошедшего времени. Здесь будет рассмотрен лишь один класс употреблений, релевантный именно для причастий настоящего времени, — образования типа *(не)промокаемый, (не)сгораемый, (не)увядаемый*¹⁶, см. также следующий пример:

¹⁵ Такой анализ подтверждают данные об использовании причастия *предполагаемый* с одушевленными существительными: почти все такие существительные являются именами деятеля (*заказчик, лидер, донорчик* и т. п.).

¹⁶ Другие примеры перечисляются также в [Исаченко 1960/2003: 551].

- (9) У меня было *непереставаемое*, восторженное сердцебиение: новый мир, новая жизнь, — Россия и Европа, войны и революции были прочитанной книгой. [А. Н. Толстой. Мираж (1923–1924)]

В основном такие формы связаны с одноместными глаголами, обозначающими изменение состояния, обычно изменение, в каком-то смысле оцениваемое как «отрицательное», при этом сами формы с суффиксом на *-м* имеют значение ‘такой, который может подвергнуться изменению, описываемому при помощи глагола’ и, как многаяжды отмечалось в литературе, особенно часто используются с *не* (и тогда, естественно, имеют значение ‘такой, который не может подвергаться изменению, описываемому при помощи глагола’).

Обычно такие единицы описываются как прилагательные, наряду с такими потенциальными по значению образованиями, как *ощутимый, допустимый, осязаемый, доказуемый*¹⁷ (см., например, [Грамматика 1980(1): 295]; [Исаченко 1960/2003: 551]).

Однако обсуждаемые единицы все же иногда выступают именно как причастия. Во-первых, некоторые из них могут использоваться в актуальном, а не в потенциальном значении, как в следующих двух примерах:

- (10) Мне сожгла глаза моя мгновенно, неостановимо и совершенно убедительно *сгораемая* жизнь, и ненужно удивляли вопросы: почему только сейчас? [А. Терехов. Каменный мост (1997–2008)]
- (11) *Сгораемые* завистью мальчишки делали попытки отбить от меня птицу, и когда я удирал от их нападений, угод, блестя лучистой коронкой-хохолком, следовал за мной. [К. С. Петров-Водкин. Моя повесть (1930)]

Во-вторых, даже имея потенциальное значение, эти образования могут демонстрировать такую сочетаемость, которая свидетельствует о сохранении связи со значением глагола, как в следующем примере, где обстоятельство *никогда* можно интерпретировать только как семантически связанное с глаголом *иссякать*, а не с «прилагательным» (*не*)*иссякаемый* (см. близкое наблюдение в [Калакуцкая 1971: 156]):

- (12) А пример Венеции, где с XVIII века действует запрет на новое строительство, доказывает: уникальность нетронутой подлинности позволяет городу безбедно жить только за счет никогда

¹⁷ Впрочем, и в рамках этой группы они выделяются по характеру связи с ролевой структурой глагола.

не *иссякаемого* потока туристов. (Яндекс) (пример взят из [Холодилова 2011: 39], там же содержится подробный анализ, имеющий импликацию для частеречной трактовки обсуждаемых форм)

По всей видимости, примеры типа (10)–(12) находятся на грани литературной нормы, едва ли их можно считать стилистически удачными. Тем не менее, они встречаются с определенной регулярностью, а это значит, что причастия с суффиксом на *-и* маргинально способны использоваться для релятивизации подлежащего. Необходимыми условиями для возможности таких употреблений являются, судя по всему, непереходность глагола, пациентивность подлежащего (в генеративной традиции глаголы, удовлетворяющие этим двум условиям, часто называются «неаккузативными») и наличие семантики «отрицательного изменения состояния».

3. Краткие формы страдательных причастий настоящего времени

Краткие формы страдательных причастий настоящего времени используются в современном русском языке редко, около 20 раз на миллион словоупотреблений (см. Таблицу 7 ниже)¹⁸. Частотность этих форм стабильно сокращается с течением времени [Исаченко 1960/2003: 548–552]; [Князев 2007: 402]; при этом падает не только их частотность в текстах, но и доля, которая приходится на краткие формы среди всех форм страдательных причастий настоящего времени. Корпусные данные, показывающие эти тенденции, приведены в Таблице 7.

Таблица 7. Частотность страдательных причастий настоящего времени в текстах XVIII–XXI вв. (Подкорпус со снятой омонимией)

период	объем подкорпуса	страдательные причастия настоящего времени					
		полные формы			краткие формы		
	N	N	ipm	%	N	ipm	%
...–1800	105 112	87	828	58,0 %	63	599	42,0 %
1801–1900	431 452	207	480	88,5 %	27	63	11,5 %
1901 –...	5 414 666	3615	668	97,3 %	102	19	2,7 %

Краткие формы страдательных причастий настоящего времени используются, как и другие краткие формы, в предикативной

¹⁸ Об употреблении кратких форм образований, совпадающих по форме со страдательными причастиями настоящего времени, см. п.5.1.5 и п.5.2.

позиции, т. е. почти исключительно в сочетании с глаголом *быть* в различных формах: прошедшего (13) и будущего времени (14), сослагательного и изредка повелительного наклонения, а также в конструкциях с референцией к настоящему, в которых форма глагола *быть* отсутствует (15). Изредка фиксируются также конструкции с неличными формами глагола *быть* — деепричастием (16) или инфинитивом (17).

- (13) Написал письмо Хрущеву в защиту прав чеченцев и ингушей, возвращавшихся из ссылки, за что *был почитаем* этими народами. [А. Иличевский. Перс (2009)]
- (14) Главное, чтобы он был богатым — тогда он *будет уважаем*. [«Хулиган» (2004)]
- (15) В нашем отечестве верхотура столь же *любима*, сколь *ненавидима*. [«Знамя» (2008)]
- (16) Таким образом, данные предметы, не *будучи* физически *перемещаемы* через национальные границы, с течением времени оказались в другом обществе. [«Неприкосновенный запас» (2004)]
- (17) Вот почему ребёнок благодаря своей необычной впечатлительности должен *быть оберегаем* от всего, что так или иначе может пагубно отразиться на его детской природе. [В. М. Бехтерев. Внушение и воспитание (1911)]

ПРИМЕЧАНИЕ. Помимо глагола *быть*, с краткими формами страдательных причастий настоящего времени изредка сочетаются некоторые глаголы, занимающие промежуточное положение между связками и полнозначными глаголами, — *стать*, *быва́ть* и т. п.:

- (18) Журнал «Наука и жизнь» помогал именно в этом, за то и *стал любим* читателями. [«Наука и жизнь» (2007)]
- (19) Что имел в виду Пушкин — что писатели толпились в передней вельмож, вымогая подарки и милости, и лишь иногда *бывали допускаемы* в гостиную? [Г. Кружков. Пушкин как озерный поэт (1999)]

В парадигматическом отношении приведенные конструкции могли бы трактоваться как аналитические формы пассива переходных глаголов НСВ. Именно в таком статусе они упоминаются, например, А. В. Исаченко [Исаченко 1960/2003: 550], В. С. Храковским [Храковский 1991: 153] и Ю. П. Князевым [Князев, в печати]. Основной аргумент против такой трактовки — исключительная редкость

и лексическая ограниченность подобных употреблений. Если оставить в стороне случаи отчетливой адъективации, см. о них п.5, то собственно аналитические конструкции с краткими формами страдательных причастий настоящего времени в современном русском языке регулярно используются преимущественно с глаголами отношения¹⁹ — *любить, уважать, презирать, ненавидеть, почитать, ценить* и т. д., см. примеры (13)–(15) и (18).

ПРИМЕЧАНИЕ. В. С. Храковский увязывает способность именно этих глаголов образовывать аналитические формы с краткими страдательными причастиями настоящего времени с тем, что у этих глаголов отсутствует синтетический пассив на *-ся* [Храковский 1991: 153]. Если такая связь и существует, она не является жесткой. Действительно, синтетический пассив вполне регулярно образуется от глаголов *уважать* или *почитать* (хотя и не от самого частотного в этой группе глагола *любить*), так что для этих глаголов обнаруживается по две конструкции с пассивным значением (ср. *почитался* и *был почитаем*). В то же время маргинальность синтетического пассива не гарантирует естественность конструкций с краткими формами причастия настоящего времени для выражения пассивных значений — ср. **торопился* (в пассивном значении) и **был торопим*, то же для *знать, шевелить, радовать* и т. д. Таким образом, отсутствие синтетического пассива не является ни необходимым, ни достаточным условием для возможности образования кратких форм страдательного причастия настоящего времени.

Конструкции с краткими причастиями глаголов других семантических групп обычно стилистически маркированы или безупречны и звучат архаично, см. (16)–(17), (19), даже если такие причастия вполне употребительны в полной форме (ср. *требуемая*, но **требуема*; *формируемая*, но **формируема*; *обозначаемая*, но **обозначаема* — во всех приведенных парах первая форма регулярно используется в современных текстах, а вторая не фиксируется в текстах Корпуса, созданных после начала XX в., хотя в принципе возможна).

В текстах предшествующих эпох, включая тексты XVIII–XIX вв., представленные в Корпусе, выше была не только суммарная частотность конструкций с краткими формами страдательных причастий настоящего времени, но и их лексическое и семантическое разнообразие [Князев, 2007: 492].

¹⁹ К числу общих семантических свойств этих глаголов относится то, что они стативны, не имеют видовых пар СВ, не предполагают контроля со стороны первого участника (неагентивны) и вовлеченности второго. Связаны ли сами по себе эти свойства со способностью образовывать аналитические конструкции с краткими формами страдательных причастий настоящего времени, непонятно.

4. Семантика страдательных причастий настоящего времени

4.1. Общие сведения

Как и в случае с другими причастиями, семантический потенциал страдательных причастий настоящего времени в целом складывается из наложения их грамматических характеристик, т. е. в данном случае страдательного залога, несовершенного вида и настоящего времени.

В отношении залоговой семантики страдательные причастия настоящего времени не демонстрируют принципиальных отличий от других пассивных форм и конструкций русского языка: при помощи этих причастий тот или иной объект (реже лицо, см. Примечание ниже), характеризуется через участие в той или иной ситуации в роли Р-участника.

ПРИМЕЧАНИЕ. Судя по данным Корпуса, определяемое при рассматриваемых причастиях является одушевленным меньше чем в 5% случаев. Таким образом, процент одушевленных имен в этой позиции не просто принципиально меньше, чем процент неодушевленных имен, но и меньше, чем тот процент, который приходится на неодушевленные имена среди прямых дополнений переходных глаголов НСВ. Необходимые данные представлены в Таблице 8.

Таблица 8. Доля одушевленных и неодушевленных пациентивных участников при личных формах и страдательных причастиях глаголов НСВ (Синтаксический подкорпус)

	одушевленные		неодушевленные	
	N	%	N	%
личные формы настоящего времени	585	9.5%	5584	90.5%
страдательные причастия настоящего времени	45	4.7%	910	95.3%

Различие статистически значимо (χ^2 , $p < 0.001$).

Напротив, в отношении значений зоны вида, времени и таксиса семантика рассматриваемых причастий весьма нетривиальна — именно этой зоне ниже будет уделяться основное внимание. В частности, будет показано, что в рамках этой зоны ключевой грамматической характеристикой, обуславливающей функционирование страдательных причастий настоящего времени в тексте, является несовершенный вид, а темпоральная и таксисная составляющая у этих причастий ослаблена.

Далее (пп.4.3–4.7) в основном будет рассматриваться семантика полных форм страдательных причастий настоящего времени, используемых в атрибутивной функции (*обрабатываемая информация; данные, используемые программой; проводимая в институте*

конференция). Неатрибутивные функции страдательных причастий настоящего времени кратко обсуждаются в п.4.2. Потенциальное (модальное) значение образований, совпадающих по форме со страдательными причастиями настоящего времени, рассматривается отдельно, в связи с проблемой адъективации, см. п.5.1.

4.2. Предикативные и депиктивныe употребления страдательных причастий настоящего времени

В предикативной функции используются почти исключительно **краткие** формы страдательных причастий настоящего времени: хотя такие конструкции и редки (см. п.3), однако полные формы этих причастий в предикативной позиции в современном языке, видимо, просто невозможны. Употребление полных форм в предикативной позиции почти всегда говорит об определенной степени адъективации причастия или по крайней мере об ослаблении динамических и усилении стативных компонентов значения, ср. *вывод был ожидаемым, профессия была уважаемой, падение было контролируемым*²⁰. В частности, полная форма регулярно обозначает обладание определенным постоянным свойством или принадлежность к определенному классу объектов (та же закономерность в целом характерна для выбора между краткими и полными формами прилагательных в предикативной позиции, см. [Виноградов 1947: 263] и др.), как в следующем примере:

- (20) Но Хрущёв знал: у Маленкова недостаточно энергии, напора, лидерских качеств. Он сугубо аппаратный работник, всегда был *ведомым*, привык стоять за чьей-то спиной. [Г. Попов, Н. Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева (2008)]

В этом примере говорится о том, что Хрущев относил Маленкова к одному из классов руководящих работников, который можно обозначить как *ведомые* (очевидно, в противоположность *ведущим*), а не о какой-либо конкретной ситуации, которую можно было бы описать глаголом *вести*.

Еще одна ситуация, когда маргинально возможно употребление полных форм страдательных причастий настоящего времени

²⁰ В Подкорпусе со снятой омонимией по запросу *быть* (в прошедшем или будущем времени) на расстоянии 1 (без знака препинания) от полной формы страдательного причастия настоящего времени обнаруживается только одно вхождение: *Она была любимой и любящей. Первой дамой королевства, ну, второй...* [В. Токарева. Своя правда (2002)].

в предикативной функции, — контексты, где глагол-связка выступает в неличной форме, например в форме инфинитива. В таких случаях употребление кратких форм затруднительно (то же характерно и для страдательных причастий, и для прилагательных):

- (21) Не умея, как иные воспитанники, тихо подличать, тайно проказить, подхалюзничать и за то быть *хвалимым* и *отличаемым*, начинал он склоняться к безысходности. [Б. Евсеев. Евстигней (2010)] — Ср.: *... и за то быть *хвалим* и *отличаем*...

ПРИМЕЧАНИЕ. В XVIII в. в таких контекстах у причастий и прилагательных были возможны краткие формы дательного падежа, после этого полностью вышедшие из употребления, ср.:

- (22) Катилина имел тысячу ещё пороков, гораздо беззаконнейших, нежели *обладаму* быть страстию. [Н.И. Новиков. О добродетели (1775)]

Что же касается кратких форм (см. о них п.3) в предикативной позиции, то ту функциональную нишу, которую они могли бы занимать, в современном русском языке по преимуществу занимают синтетические формы пассива глаголов НСВ, ср. пример (23а) из текста XIX в. и его более естественную для современного русского языка перифразу (23б).

- (23) а. Положения эти имели великое значение, хотя долго не *были выполняемы*. [Т.Н. Грановский. Лекции по истории позднего средневековья (1849–1850)]
 б. Положения эти имели великое значение, хотя долго не *выполнялись*.

Как уже было сказано в п.3, краткие формы страдательных причастий настоящего времени (ограниченно) продолжают использоваться в предикативной позиции в основном для глаголов отношения (*любим*, *уважаем* и проч.). Также они возникают в некоторых специфических контекстах, как в примере (24), где пассивная форма глагола НСВ вступает в отношения сочинения с аналитической пассивной формой парного глагола СВ, что, видимо, и предопределяет выбор аналитической конструкции *были определяемы*, а не более нейтрального *определялись*:

- (24) Их богослужебный устав, тексты, литература, юридическое и каноническое предания *были определяемы* и навсегда *определены* Византией. [Иоанн Мейендорф. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы (1992)]

Полные формы некоторых страдательных причастий регулярно используются в **депиктивной** функции (см. о синтаксических функциях причастий Причастие / п.6.3). К числу таких причастий относится, например, причастие *влекомый*: из 100 случайно отобранных употреблений полных форм этого причастия 68 были использованы в депиктивной функции, как в следующем примере:

- (25) Я долго шла, *влекая* утробным чувством общего направления, — словно кошка, завезенная на глухой полустанок и вываленная там из мешка. [Д. Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)]

4.3. Одновременность

4.3.1. Одновременность в узком понимании

В литературе иногда говорится, что ключевым компонентом семантики страдательных причастий настоящего времени является значение **одновременности** [Козинцева 2003: 184]. Таким образом, делается утверждение о фиксированной интерпретации в терминах таксиса, или относительного времени, при этом в качестве точки отсчета рассматривается опорная форма, т. е. глагольная вершина той клаузы, в состав которой входит модифицируемое причастием имя (см. об этом понятии Причастие / п.4). Таксисный компонент одновременности наиболее отчетливо проявляется в тех случаях, когда опорная форма описывает единичное событие в прошлом, а причастие обозначает ситуацию, которая по времени объемлет положение вещей, выраженное опорной формой²¹:

- (26) Хотя конституцию формально никто не отменял, Муссолини и *возглавляемый* им Высший фашистский совет *получили* бесконтрольную власть. [«Наука и жизнь» (2005)]

Это высказывание интерпретируется так, что Муссолини возглавлял фашистский комитет в момент получения «бесконтрольной власти» (а также некоторое время до и после этого момента — это следует из семантики НСВ); соответственно, форма *получили* выступает в этом предложении в качестве опорной по отношению

²¹ Ю. П. Князев утверждает, что страдательные причастия настоящего времени «чаще всего» используются в таких объемлющих контекстах [Князев 2007: 490]. См. ниже о возможности уточнения этого тезиса.

к причастию. Семантика же абсолютного времени в данном случае нерелевантна (в момент написания текста взаимоотношения между Муссолини и Высшим фашистским советом относятся к неактуальному прошлому).

ПРИМЕЧАНИЕ. В смысле противопоставления абсолютного и относительно времени причастия разительно отличаются от личных форм в составе придаточных относительных. Такие личные формы используются в соответствии с семантикой абсолютного времени, ср. (26) с причастием настоящего времени и денотативно близкое сконструированное (27), в котором может быть употреблена только личная форма прошедшего времени:

- (27) Муссолини и Высший фашистский совет, который он *возглавлял* / *#возглавляет*, получили бесконтрольную власть.

Как будет показано ниже, значение «одновременности» в широком смысле слова можно увидеть во многих случаях употребления страдательных причастий. Однако для понимания природы этой одновременности необходимо подробнее рассмотреть аспектуальную интерпретацию причастий. Бросается в глаза тот факт, что страдательные причастия настоящего времени крайне редко имеют актуально-длительное значение, т. е. почти никогда не обозначают ситуацию, непрерывно развивающуюся в течение некоторого периода, включающего момент наблюдения. В Корпусе такие примеры представлены в основном текстами XVIII–XIX вв.:

- (28) Он глядел на вепря, *жаримого* перед ним. [Н. А. Полевой. Пир Святослава Игоревича, князя киевского (1843)]

В современных текстах подобные употребления иногда встречаются, но обычно звучат несколько вычурно или создают архаизирующий эффект:

- (29) В своем вихре — в одно из мгновений — он увидел маленькую, *влекомую* Бездной, никем не замеченную мушку — душу Катерины, и поманил ее. Она пошла на зов. [Ю. Мамлеев. Конец света / Прыжок в гроб (1997)]
- (30) Причудливый мир вершинного леса открывается моим глазам, я вижу сплошную зелень, *колеблемую* ветром наподобие волн морских... [А. Ким. Белка (1984)]

Гораздо чаще таксис одновременности в собственном смысле слова возникает в современных текстах тогда, когда глагол НСВ имеет континуальное значение, т. е. обозначает «процесс, который занимает

продолжительное время (сверхдолгий интервал), но воспринимается как единый», как в примере (26) выше. Другие возможные аспектуальные интерпретации рассматриваются в пп.4.3.2–4.3.5.

4.3.2. Временная нелокализованность

Рассмотренные до сих пор примеры не противоречат идее о том, что употребление страдательных причастий настоящего времени определяется семантикой одновременности в собственном смысле слова (или «настоящего относительного времени»). Однако конструкции типа (26) или (28)–(30) составляют меньшинство употреблений страдательных причастий настоящего времени. Гораздо частотнее такие употребления, при которых ситуацию, обозначаемую страдательным причастием, **сложно локализовать на оси времени**. Этот факт, среди прочего, связан и с регистровой спецификой страдательных причастий настоящего времени: как было сказано в п.2.1, эти причастия в наибольшей мере характерны для деловой и книжной речи. В соответствующих текстах опорные глагольные формы очень часто описывают нелокализованные на оси времени положения вещей, вневременные отношения, законы, правила, тенденции и проч.:

- (31) Анализ *может* вестись по любому из четырёх направлений с предварительной настройкой пользователем весовых коэффициентов *сравниваемых* показателей какой-либо отрасли. [«Вопросы статистики» (2004)]
- (32) Все остальные временные интервалы, *используемые* в модели, *должны* быть кратными этому минимальному интервалу. [«Информационные технологии» (2004)]
- (33) Отрадно отмечать, что российские миротворцы *участвуют* во всех *проводимых* ООН в Африке операциях и что многие африканцы обучаются профессии миротворцев в российских учебных центрах. [«Дипломатический вестник» (2004)]

В примере (31) описываются возможности некоторой системы, в примере (32) — правила пользования некоторой моделью; пример (33) в принципе может иметь эпизодическую интерпретацию, при которой имеется в виду конкретный набор операций, проводимых в Африке в момент порождения текста, но скорее всего и его следует интерпретировать обобщенно: речь идет об операциях, которые ООН проводила, проводит и может проводить в Африке.

Вневременное употребление страдательных причастий настоящего времени укладываются в идею таксиса одновременности лишь в расширительном смысле.

4.3.3. Запланированные действия

Еще одно значение, которое можно интерпретировать как разновидность одновременности в широком смысле слова, это значение «запланированных последующих действий». Это второе, наряду с «объемлющей» одновременностью, значение, выделяемое для обсуждаемых причастий Ю. П. Князевым; оно иллюстрируется, среди прочего, следующим примером [Князев 2007: 491]:

- (34) В конце мая вышло распоряжение мэра «О мерах по ускорению оформления документов гражданам, *отселяемым* из *сносимых* домов», благодаря которому люди смогут быстрее переезжать в новые квартиры и оформлять необходимые документы. [«Аргументы и факты» (2001)]

Здесь возможные события отселения граждан и сноса домов относятся к плану будущего. При наиболее естественной интерпретации речь идет о помощи, которая будет осуществляться в течение подготовительной фазы²² ситуаций, описываемых глаголами *сносить* и *отселять*, т. е. после принятия решения о сносе и отселении, но до самих точечных событий сноса и отселения. Именно по отношению к этой фазе возможно использование финитных форм настоящего времени глагола НСВ: *наш дом сносят*, скорее всего, означает, что решение о сносе принято, но дом еще не снесен.

ПРИМЕЧАНИЕ. Е. В. Падучева отмечает, что значение «предстояние» («состояние, определяемое намерением Субъекта перевести Объект в новое состояние» [Падучева 2010: 115]) — это распространенное видовое значение НСВ для обычных глаголов действия. Однако для многих моментальных глаголов и для «экзерситивов» (глаголов, обозначающих проявление власти, например, *приговаривать*, *увольнять*) значение предстояния оказывается единственным нетривиальным видовым значением; в примере (34) глагол *отселять* употреблен, вероятнее всего, именно как экзерситив.

Итак, хотя события *отселения* и *сноса* имеют кульминацию, страдательные причастия *отселяемый* и *сносимый* отсылают

²² Е. В. Падучева использует по отношению к такому аспектуальному значению термин «предстояние» [Падучева 2010: 115].

к продолжительной фазе, предшествующей соответствующим точечным событиям. Такая интерпретация еще более однозначно прослеживается в следующем примере:

- (35) Специальная комиссия при Министерстве культуры потребовала, чтобы Олег за *вывозимые* собственные картины уплатил 22 тысячи рублей. [Е. Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)]

Очевидно, здесь речь об определенном множестве картин, которые протагонист уже решил вывезти за границу, но еще не вывез; предшествующая кульминации длительная фаза обозначается страдательным причастием настоящего времени.

4.3.4. Неограниченно-кратные значения

Интересно, что предложение (34), приведенное Ю.П. Князевым, теоретически может иметь и другую интерпретацию, не связанную с семантикой предстояния. Возможно, распоряжение мэра, о котором говорится в этом примере, в будущем будет применяться **неограниченное количество раз**: это распоряжение может предполагать, что помощь будет осуществляться тем гражданам, которых к моменту осуществления помощи **уже** отселили и дома которых **уже** снесены. При такой интерпретации предложение обозначает повторяемость цепочки из двух событий, при этом в каждой конкретной события связаны друг с другом отношениями **предшествования**. По экстралингвистическим причинам таксисная интерпретация предшествования обязательна в следующем примере:

- (36) На месте *сносимых* деревень *будут строить* новые объекты инфраструктуры (например, Парк чудес) или многоэтажки. (kommersant.ru)

Очевидно, новые объекты будут строить **после** сноса деревень; таким образом, последовательность событий в главной и зависимой клаузах противоположна той, которая наиболее естественна для примера (34) и обязательна для (35). В примере (36) причастием обозначается либо подготовительная фаза, синхронная моменту речи (решение о сносе конкретных деревень принято, но не полностью реализовано), либо множественные события в будущем. Во втором случае, несмотря на то, что каждый конкретный факт сноса деревни будет предшествовать строительству нового объекта, в целом периоды, в которые будут происходить два типа событий, относятся к протяженным отрезкам

времени в будущем и, таким образом, накладываются друг на друга. Таким образом, в примере (36) глагол *сносить* безусловно отсылает к некоторой продолжительной ситуации (и благодаря этому становится возможно значение одновременности): либо речь идет об уже начавшейся подготовительной фазе, либо о неограниченно-кратном повторении точечных ситуаций сноса. При одновременном невыполнении обоих названных условий, т. е. при референции к единичной ситуации, подготовительная фаза которой еще не началась в момент речи, явно предпочтительным было бы страдательное причастие глагола СВ (т. е. причастие прошедшего времени), а причастие глагола НСВ скорее всего было бы недопустимо:

- (37) Вскоре будет принято решение о сносе одной из трех деревень. На месте *сносенной* / ^{??}*сносимой* деревни построят Парк чудес. (сконструированный пример)

На контекстах, в которых обозначаются **многократные** предельные события в прошлом или будущем, следует остановиться подробнее (такое значение страдательных причастий настоящего времени упоминается в [Козинцева 2003: 184]). Эти контексты интересны тем, что, как и в системе личных форм (ср. *читал* / *прочитал несколько раз*), здесь часто наблюдается конкуренция видов, т. е. оказываются возможны как страдательные причастия настоящего времени глаголов НСВ, так и страдательные причастия прошедшего времени глаголов СВ. Рассмотрим один из примеров употребления страдательного причастия настоящего времени, приводимый Л. П. Калакуцкой [Калакуцкая 1971: 151]:

- (38) У меня уже вошло в привычку каждое *прочитываемое* стихотворение оценивать с точки зрения его пригодности для романса (Воспоминания о Рахманинове)

Представляется, что здесь могло бы быть употреблено и страдательное причастие прошедшего времени парного глагола СВ (*оценивать каждое прочитанное стихотворение*). Таксисная интерпретация высказываний не изменилась бы: понятно, что оценивать стихотворение с точки зрения пригодности для романса разумно после прочтения. Получается, что, как и в случае с личными формами, выбор вида определяется не столько денотативной семантикой, сколько выбором взгляда на ситуацию: одно неограниченное во времени событие, имеющее много одинаковых квантов, или много законченных событий. В примере (38) создается взгляд на цепочку однотипных событий

изнутри, при этом цепочка подается как принципиально неограниченная. При помощи причастия СВ (*прочитанное*) внимание заострялось бы на том, что кульминационная фаза предельного процесса (прочтения стихотворения) предшествует оценке этого стихотворения с точки зрения пригодности для романа. В однократном контексте или в контексте с ограниченным количеством повторов причастие СВ было бы обязательно, ср. *я оценил прочитанное / *прочитываемое стихотворение, я по очереди оценил пять прочитанных / *прочитываемых стихотворений*, а в неограниченно-кратном возможны причастия обоих видов.

4.3.5. Актуальное результирующее состояние

Существуют и другие контексты, в которых выбор между страдательным причастием настоящего времени глагола НСВ и страдательным причастием парного глагола СВ (естественно, прошедшего времени) не связан с очевидным денотативным различием. Это характерно для таких видовых пар, в которых кульминационная фаза, обозначаемая глаголом СВ, предшествует фазе сохраняющейся актуальности результата, обозначаемой глаголом НСВ:

- (39) а. ... *осаждаемый* с трех сторон красными город шел к гибели.
[В. П. Катаев. В осажденном городе (1920)]
б. ... *осажденный* с трех сторон красными город шел к гибели
(сконструированный пример)

В случае глагола *осадить* природа актуального результата глагола СВ очевидна: фаза актуальности продолжается до тех пор, пока осаду не снимут или город не будет взят. В обоих приведенных примерах, реальном (39а) и сконструированном (39б), основное действие происходит именно в этот период²³.

В других случаях правая граница зоны актуальности не может быть проведена столь отчетливо, однако использование страдательного причастия настоящего времени показывает, что эта граница еще не достигнута. Так обстоит дело с глаголом *предлагать*: после того как кто-то что-то *предложил*, предложение сохраняет актуальность некоторое время. Причастие *предлагаемый* отсылает к тому периоду на оси времени, когда предложение уже было высказано, но еще сохраняет

²³ Точно теми же причинами определяется и возможная денотативная синонимичность финитных форм: *город осадили* и *город осаждают*.

актуальность. Так, следующий пример обязательно предполагает, что предложенная мера к моменту создания текста не была реализована, но и не была отвергнута (показательно, что в этом контексте в близком значении используется и страдательное причастие прошедшего времени глагола СВ *высказанная*):

- (40) Между тем *предлагаемая* мера (как и *высказанная* Алексеем Кудриным идея ввести специальную экспортную пошлину на нефтепродукты) не что иное, как попытка начать изъятие природно-ресурсной ренты. [«Еженедельный журнал» (2003)]

Аналогичным образом могут использоваться причастия целого ряда глаголов речи, мысли, намерения: *требуемый* (такой, который потребовали и требование которого сохраняет актуальность), *декларируемый*, *планируемый*, ср. также (41), где речь, видимо, идет об однократном сообщении, сделанном до момента речи, но сохраняющем актуальность:

- (41) Вы называете с сотню свидетелей — значит *сообщаемые* вами факты абсолютно не составляют секрета, они настолько лежат на поверхности земли, что никто из заинтересованных лиц, прочитав вашу статью после назначения негодяя, не мог бы сказать: «А я этого не знал, Мезонье открыл мне глаза», или их любимое: «Вот мерзавец!» [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом (1943–1958)]

4.4. Абсолютное настоящее

Во всех ситуациях, рассмотренных в п.4.3, страдательное причастие настоящего времени получает таксисную интерпретацию одновременности в расширительном смысле: причастие отсылает к ситуации, не имеющей ограниченной локализации на оси времени и не противопоставленной временной локализации ситуации, обозначенной опорной формой. Однако фиксируются и такие немногочисленные контексты, в которых страдательное причастие настоящего времени получает не относительную, а абсолютную интерпретацию, т. е. обозначает ситуацию, которая имеет место в настоящем говорящего и при этом не совпадает по времени с опорной формой (значение абсолютного настоящего упоминается для обсуждаемых причастий в [Князев в печати]):

- (42) Возможно, что о каких-то медицинских разработках и методах, *применяемых* сейчас в отношении глав государств, мы *узнаем* только в будущем. [«Аргументы и факты» (2003)]

Значение абсолютного настоящего появляется у рассматриваемых причастий нечасто, преимущественно при поддержке эксплицитных дейктических средств (*применяемые сейчас методы, рассматриваемый мной казус* и т. п.); как и в случае с относительным настоящим, в аспектуальном отношении причастия в соответствующих контекстах крайне редко получают актуально-длительную интерпретацию²⁴.

То, что у страдательных причастий настоящего времени есть как относительные, так и абсолютные употребления, сближает их с действительными причастиями настоящего времени, для употребления которых достаточными условиями являются и значение абсолютного настоящего, и значение одновременности. В литературе делалось утверждение о параллелизме этих двух типов причастий в отношении времени и таксиса [Крапивина 2009: 42]. Это сходство, однако, не вполне полно (см. п.4.5 ниже), в частности и в том, что касается употреблений в значении абсолютного настоящего. В случае, когда страдательные причастия обозначают положение вещей в настоящем говорящего, неодновременное действию, выраженному опорной формой, опорная форма чаще относится к плану будущего, как в примере (42), хотя в принципе возможно и иное, как в примере (43):

- (43) Около четырех тысячелетий тому назад на просторах Европы *кочевала и обрабатывала* землю огромная общность воинственных индоевропейских народов, *называемых* сейчас «северными праевропейцами». [«Вокруг света» (1995)]

Для действительных причастий настоящего времени при отсутствии одновременности в гораздо большей степени характерно как раз использование в контексте опорной формы, относящейся к плану прошедшего:

- (44) В результате здесь впервые *начала* наращиваться литосфера, *достигающая* сейчас средней толщины в 250 километров. [«Знание — сила» (2003)]

²⁴ Следует добавить, что в контекстах, где опорная форма сама относится к плану настоящего, интерпретации в терминах абсолютного и относительного времени оказываются неразличимы, поэтому здесь приводятся только такие примеры, которые невозможно интерпретировать в терминах относительного времени.

4.5. Неодновременность

До сих пор рассматривались случаи, когда обозначаемое причастием протяженное во времени положение вещей можно описать как налагающееся на какую-либо точку отсчета (в широком смысле слова «одновременное» ей): на время ситуации, обозначенной опорной формой, (п.4.3) или, реже, на момент речи (п.4.4). Однако фиксируются, хотя и не очень часто, и такие употребления, когда никакого наложения, «одновременности», нет, т. е. действие, обозначаемое причастием, заведомо не совпадает ни с какой точкой отсчета. В примерах (45)–(48) при помощи причастия обозначаются протяженные во времени события, предшествующие ситуации, выраженной опорной формой, которая сама относится к плану прошлого:

- (45) Выражение большой сосредоточенности и углублённости во что-то понятное ему одному и *дотоле тщательно скрываемое* от всех лежало на его лице ... [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом (1943–1958)]
- (46) Спортивная тема, *доселе не тиражируемая* в рекламе престижных часов, сработала на ура — брэнд наращивает продажи, хотя цена поднялась почти в два раза. [«Бизнес-журнал» (2003)]
- (47) Невозможно всерьёз верить в *пропагандируемую тогда* «русскую опасность» теперь, когда опубликованы материалы, бывшие в тот период недоступными. [Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)] (приводится в [Холодилова 2011: 89])
- (48) Оба *обстреливаемые* сейчас же растаяли в воздухе, а из прируса ударил столб огня прямо в тент. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

В примерах (45) и (46) предшествование эксплицитно выражено обстоятельствами *дотоле* и *доселе* соответственно; в (47) — контрастом между обстоятельствами *тогда* и *теперь*²⁵; в примере (48) речь идет о таксисе прерываемого предшествования: очевидно, ситуация обстрела прекращается после того, как Коровьев и Бегемот растаяли в воздухе. Страдательные причастия настоящего времени возможны и в контекстах, в которых фиксируется таксис следования:

²⁵ При употреблении действительных причастий в аналогичных контекстах почти всегда используются причастия прошедшего времени.

- (49) Сначала оно должно предъявить услуги, *предоставляемые* обществу, и назвать цену этих услуг, а уж потом будет принято решение, соответствуют ли услуги этой цене. [«Коммерсантъ-Власть» (2002)]
- (50) В России в ближайшем будущем возникнут как минимум два государственных банка пуповинной крови: один — федеральный, другой — *созданный* по инициативе правительства Москвы и *финансируемый* из бюджета города. [Хранилища жизни]

В ситуации, описанной в примере (49), бюджетное учреждение (*оно*) сможет предоставлять услуги обществу в будущем только в случае положительного решения (следовательно, после этого решения)²⁶. В (50) второй банк пуповинной крови будет финансироваться из бюджета города в будущем, при этом, очевидно, после того, как возникнет. Характерно, что и в этом контексте страдательное причастие настоящего времени соседствует со страдательным причастием прошедшего времени (*созданный*). Различаются эти причастия не по признаку таксиса, а по видовому значению: ситуация создания однократна и точечна, а финансирование — процесс, временные границы которого не локализованы.

Существенно, что в случаях, рассмотренных в этом параграфе, нарушается параллелизм между причастиями и личными формами в плане категории времени: наиболее естественными финитными перифразами для таких контекстов были бы конструкции с формами прошедшего времени, ср. реальные примеры (47) и (50) с их сконструированными модификациями (51) и (52):

- (51) Невозможно всерьёз верить в «русскую опасность», которую тогда широко *пропагандировали* / **пропагандируют*.
- (52) В России в ближайшем будущем возникнут как минимум два государственных банка пуповинной крови, один из которых будет создан по инициативе правительства Москвы и *будет финансироваться* / **финансируется* из бюджета города.

²⁶ Стоит подчеркнуть, что здесь наблюдается именно таксис следования, а о значении запланированного будущего (см. о нем выше, п.4.3.3) говорить невозможно, т.к. для интерпретации запланированного будущего типично наличие ключевого события, предопределяющего наступление ситуации в будущем (например, принятие официального решения о будущей ситуации). В примере (49) в обсуждаемый момент это решение еще не принято.

При этом во всех случаях сохраняется параллелизм между причастиями и личными формами в отношении вида: страдательные причастия настоящего времени всегда имеют видовую интерпретацию, которая могла бы быть и у личных форм соответствующих глаголов НСВ.

4.6. Ограничения на сочетаемость с обстоятельствами

Тот факт, что страдательные причастия настоящего времени тяготеют к ослабленной временной локализованности ситуации (см., например, о редкости актуально-длительной интерпретации в п.4.3.1), обуславливает затруднительность сочетаемости этих причастий с некоторыми обстоятельствами, с которыми регулярно сочетаются личные формы НСВ.

1) С точечными обстоятельствами времени в прошлом: *в тот момент, в б утра* (обстоятельства «включенного времени» [Падучева 2010: 164]).

2) С обстоятельствами «объемлющего времени» [Падучева 2010: 164] в прошлом с четко очерченными границами. Так, все фиксируемые примеры с обстоятельствами типа *в ... году* относятся к плану будущего (т. е. отсылают к запланированным событиям):

(53) Главная интрига заседания — решение вопроса о направлении средств из *создаваемого в 2004 году* стабилизационного фонда — была отложена. [«Известия» (2003)]

В Корпусе зафиксирован, только один пример страдательного причастия настоящего времени, к которому относится обстоятельство типа *с ... по / до*, при этом в современном тексте такое употребление было бы, видимо, неестественно:

(54) Не менее интересны сведения, сообщаемые в «Обзоре» относительно всех 1.611 чел., *привлекаемых с 73 по 1876 г.* [«Народная воля» (1881)]

Однако относящиеся к плану прошлого обстоятельства времени с размытыми границами: *тогда* (47), *в те годы* (55), *в то время* — могут сочетаться с обсуждаемыми причастиями.

(55) Не исключено, что краб-стригун был завезён вместе с партиями *переселяемого в те годы* в Баренцево море камчатского краба. [«Наука и жизнь» (2009)]

3) С обстоятельствами кратности (*дважды*). При этом с обстоятельствами, обозначающими регулярную повторяемость (*много раз, каждый раз, часто*), страдательные причастия сочетаются сравнительно легко:

- (56) Некогда довольно хороший кабинетный диван, много раз *перебиваемый* и теперь обитый уже потрескавшейся, дырявой клеенкой. [В. П. Катаев. Трава забвенья (1964–1967)]

4.7. Обобщение

Для страдательных причастий настоящего времени типична «одновременность» в широком понимании, т. е. в таком понимании, которое включает причастия, обозначающие гипотетические и вневременные ситуации, подготовительную или результирующую фазу предельных событий, повторяющиеся события и т. д. Неограниченная по времени ситуация, обозначаемая причастием, оказывается одновременной или, точнее, не противопоставленной на временной оси той или иной точке отсчета: в подавляющем большинстве случаев ситуации, описываемой опорной формой (п.4.3), реже — моменту речи (п.4.4).

Однако даже при самом широком понимании одновременности, включающем и относительное, и абсолютное настоящее, одновременность не является обязательным свойством страдательных причастий настоящего времени. Таким образом, на первый план выходит аспектуальная семантика: в обозначаемый причастием временной интервал по тем или иным причинам не входит кульминационная фаза события (в большинстве случаев этой фазы просто нет, но возможны и другие сценарии). Именно в плане вида, но не времени во всех типах употребления страдательных причастий настоящего времени наблюдается параллелизм с личными формами: для обозначения соответствующих ситуаций могли бы быть использованы личные формы глаголов НСВ, не обязательно настоящего времени. При этом, однако, не все видовые значения НСВ одинаково доступны для страдательных причастий настоящего времени: в современном русском языке затруднительно использование этих причастий в актуально-длительном значении (см. п.4.3.1; то же верно и для других пассивных форм русского языка), а общефактическое значение, видимо, совершенно невозможно — оно как раз характерно для не вполне продуктивных страдательных причастий прошедшего времени глаголов НСВ. Такая аспектуальная специфика страдательных причастий настоящего времени обуславливает

некоторые ограничения на сочетаемость с обстоятельствами времени (п.4.6).

Предлагаемое обобщение, согласно которому для страдательных причастий настоящего времени наиболее существенна семантика вида и залога и лишь в гораздо меньшей степени семантика таксиса или времени, хорошо согласуется с тем фактом, что в современном русском языке представлено очень мало глаголов, для которых регулярно бы использовались страдательные причастия разных времен.

ПРИМЕЧАНИЕ. Теоретически в этот класс могут попадать только переходные глаголы НСВ. Однако и в рамках этой зоны имеется тенденция к дополнительной дистрибуции страдательных причастий настоящего и прошедшего времени. В частности, как отмечалось выше, страдательные причастия настоящего времени легче образуются от вторичных имперфективов (причастия типа *выкапываемый* встречаются чаще, чем причастия типа *копаемый*), см. п.2.1, при этом образование страдательных причастий прошедшего времени в зоне глаголов НСВ напротив ограничено почти исключительно первичными имперфективами (ср. возможное *копанный* при невозможном **выкапыванный*).

Таким образом, **в рамках системы страдательных причастий оппозиция по времени в современном русском языке ослаблена**; фактически обсуждаемые причастия выступают в качестве основных страдательных причастий глаголов НСВ.

5. Адъективация страдательных причастий настоящего времени

В целом адъективация (утрата глагольных признаков и приобретение признаков, характерных для прилагательных, см. Причастие / п.5) менее типична для страдательных причастий настоящего времени, чем для парадигматически смежных причастий: действительных причастий настоящего времени и страдательных причастий прошедшего времени, см. обсуждение возможных причин этого в [Калакуцкая 1971: 150–155].

При этом образования, полученные при помощи суффиксов страдательных причастий настоящего времени (или суффиксов, омонимичных им), часто делят не на два, а на три класса: 1) собственно причастия; 2) образования, имеющие модальное (потенциальное) значение: *управляемый*, *непереводимый*; особенная сложность состоит в том, что в эту категорию попадают единицы, образованные от глаголов обоих видов, см. ниже; 3) не обладающие полным набором причастных свойств образования без модального компонента (*уважаемый*,

предполагаемый), совпадающие по форме со страдательными причастиями настоящего времени (естественно, глаголов НСВ). В частности, распространен подход, согласно которому формы класса 2) рассматриваются как прилагательные, образованные непосредственно от глаголов, а формы класса 3) — как адъективирующиеся причастия (см. о таком трехчастном делении [Иванова 1962: 3], а также ссылки, приводимые в [Петрова 2008: 93]). В рамках такого подхода процесс образования единиц класса 2) вообще не следует считать адъективацией **причастий**. Приведенная трактовка не является единственной, и здесь образования типа *управляемый* и *непереводимый* все же будут рассмотрены, но им будет посвящен отдельный параграф (п.5.1), после которого будут рассматриваться оставшиеся случаи (п.5.2).

5.1. Образования с потенциальным значением

Значение «способный подвергаться действию» [Грамматика 1980(1): 666] — это наиболее распространенный тип адъективных значений, фиксируемых у форм, имеющих внешний облик страдательных причастий настоящего времени (ср. *управляемый* в значении ‘такой, ходом которого можно управлять’); особенно часто оно реализуется в отрицательном варианте, ср. *неуправляемый*. Эти образования обладают рядом свойств, которые говорят об их промежуточном положении между причастиями и прилагательными. Далее сначала будут рассмотрены формы, образованные от глаголов НСВ, как обычные страдательные причастия настоящего времени (пп.5.1.1–5.1.5), а в п.5.1.6 будет обсуждаться проблема аналогичных образований от глаголов СВ.

5.1.1. Продуктивность

Некоторые обсуждаемые образования (*проницаемый, обтекаемый*), особенно в отрицательном варианте (*незабываемый, нескрываемый*), обладают высокой текстовой частотностью, другие используются гораздо реже, однако сама модель семантической деривации с потенциальным значением безусловно продуктивна. Более того, в литературе делалось утверждение о том, что «фактически, если от глагола можно образовать страдательное причастие настоящего времени, то почти всегда так же успешно можно образовать и омонимичное прилагательное — чаще с *не-*, но по мере надобности и без *не-*» [Петрова 2008: 95]. Н. Е. Петрова иллюстрирует свой тезис рядом окказиональных примеров, включая следующий:

- (57) *Неубиваемых*²⁷ нет. Замочить можно любого. Вопрос цены (реплика персонажа т/с «Расплата» — т/к «Россия», 20.08.2007) [Петрова 2008: 101]

ПРИМЕЧАНИЕ. Интересный и недостаточно изученный вопрос — это вопрос о том, в каких именно случаях возможны / частотны образования с показателем отрицания или без него. Ответ на этот вопрос, вероятно, лежит в сфере прагматики: чаще используются отглагольные формы, обозначающие маркированный признак, т. е. такой признак, для которого осмысленно образование отдельного слова. *Впечатления* могут быть названы *незабываемыми*, это противопоставит их рядовым впечатлениям, которые по умолчанию забываются (адъективированных употреблений слова *забываемый* в Корпусе не фиксируется). Разного рода *оболочки* и *слои* могут быть как *проницаемыми*, так и *непроницаемыми*, обычно употребление одного из этих определений возможно в ситуации, когда так или иначе нарушается норма, ситуативно состоящая в противоположном значении признака, ср.:

- (58) При стрессовых ситуациях слизистая кишечника становится *проницаемой* для микробов, и они проникают в кровеносные сосуды. [«Наука и жизнь» (2007)]

В здоровом организме слизистая кишечника выполняет защитную функцию, препятствуя движению микробов. В данном случае речь идет о нарушении этого нормального свойства, поэтому становится прагматически оправданным употребление слова *проницаемый*.

Несмотря на то, что ограничения на образование потенциальных форм НСВ на основе страдательных причастий настоящего времени существуют (см. п.5.1.6 ниже), продуктивность этого процесса является аргументом против того, чтобы считать обсуждаемые формы прилагательными.

5.1.2. Семантика потенциальности

Иногда потенциальное значение упоминается в ряду значений, ингерентно присущих страдательным причастиям настоящего времени [Князев 2007: 491]. Примечательно, что в то же время потенциалис является и одним из видовых значений глаголов НСВ, см. [Сичинава 2013: 3.1.2.2] и приводимый там пример:

- (59) У каждого аттendanта в этом паркинге была припасена для подобных случаев стальная пластиночка, которая, будучи всунута в щель между стеклом и дверцей, без всякого труда *открывала* замок. [В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)]

²⁷ Отсутствие определения в данном случае нерелевантно.

Таким образом, не совсем понятно, следует ли говорить при столкновении с потенциальной интерпретацией причастной по виду формы о том, что в ней происходит специализированное семантическое приращение, или скорее следует видеть в таких случаях реализацию одной из возможностей, изначально заложенных уже в самой глагольной лексеме, ср. (59) и (60):

- (60) Любой зимней палатке нужен надежный, но при этом *легко открываемый* изнутри замок (kitolov.ru)

ПРИМЕЧАНИЕ. Вероятно, при решении этой проблемы следует одновременно привлекать к анализу и возвратные образования с «модально-пассивным» [Летуций 2014], или «пассивно-потенциальным» [Падучева 2001: 73], значением (см. Возвратность / п.2.9), как в *Эта дверь открывается с трудом* или *У меня что-то дверь не отпирается*.

По сути именно рассмотренные два свойства образований типа *проницаемый* — продуктивность и связь с потенциальным значением НСВ — позволяют некоторым исследователям трактовать их не как прилагательные, а как адъективирующиеся причастия [Калакуцкая 1971: 157]; [Петрова 2008: 104]²⁸, т. к. эти два свойства говорят о сохранении связей этих форм с глагольной лексемой.

При этом, наряду с ожидаемыми эпизодическими и рассматриваемыми потенциальными интерпретациями, обнаруживается еще один тип употреблений все тех же форм, промежуточный между ними. Это случаи, когда при помощи формы на *-мый* обозначается *узуальная* ситуация, т. е. объект характеризуется как такой, с которым с некоторой периодичностью осуществляется действие, участие в этой узуальной ситуации подается как постоянное свойство объекта, ср. *отопливаемый склад, простреливаемый район, посещаемый сайт* (см. о такой интерпретации [Петрова 2008: 93]).

Это значение регулярно возникает в контексте обстоятельств типа *часто, никогда*. Таким образом, узуальные контексты (*никогда не запираемая дверь* [Калакуцкая 1971: 156]) выступают в качестве промежуточного звена на пути от эпизодической²⁹ интерпретации (ср. *услышал звук запираемой двери*) к потенциальной (*незапираемая дверь* — ‘такая, которую невозможно запереть’), ср. [Gerritsen 1988: 112].

²⁸ «Итак, способность выражать модальную оценку действия сама по себе не противопоставляет причастие личным формам, а скорее свидетельствует об их парадигматической связи в составе глагольной лексемы» [Петрова 2008: 98].

²⁹ О понятии «эпизодический предикат» см. [Булыгина, Шмелев 1997: 118]; в близком значении иногда используется также термин «предикаты стадийного уровня» («stage-level predicates»).

5.1.3. Контекстная поддержка

Потенциальная интерпретация форм на *-мый* особенно часто возникает в контексте отрицания, а для некоторых лексем — только в нем (ср. 1257 вхождений в Основном корпусе для *незабываемый* при 0 для *забываемый*); несколько реже контекстную поддержку оказывают наречия типа *легко, едва* и т. д.

5.1.4. Агентивное дополнение

При образованиях на *-мый* с потенциальной семантикой крайне редко используется агентивное дополнение, что напрямую вытекает из их семантики ('такой, с которым можно или невозможно что-то сделать' — в большинстве случаев это свойство объекта подается как не зависящее от конкретного деятеля). Затрудненность сочетания с агентивным дополнением говорит в пользу отрыва причастия от глагольной парадигмы, т. е. в пользу его адъективации. Впрочем, необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, выражение агентивного дополнения при потенциальной форме на *-мый* все же возможно, см. [Петрова 2008: 106] и приводимые там примеры, включая следующий:

- (61) Он не мог различить цвета его глаз; но в них угадывалась *непознаваемая прочими* воля (Н. Перумов. Кольцо тьмы)

Такие употребления стилистически небезупречны, но все же фиксируются и в текстах Корпуса:

- (62) — Я, может, и не доживу вовсе аж до следую-ще-го го-да, — по слогам произносит она, смакуя огромность *непознаваемого ребёнка* интервала времени. [Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом» (2009)]
- (63) Дао ... — ... первопричина Вселенной, путь Человека, целостность жизни, *непознаваемая разумом и не выражаемая* словами. [В. Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)]

ПРИМЕЧАНИЕ. Теоретически решение вопроса о причастном или адъективном статусе спорных форм имеет значение для правописания *не*: по правилам при причастиях *не* должно писаться отдельно (считается частицей), при прилагательных (в отсутствии дополнительных условий) — слитно (считается приставкой). При этом наличие агентивного дополнения иногда упоминается как несомненный признак причастия. На практике слитное / раздельное написание

не подвержено существенным колебаниям, см. непоследовательную орфографию в примере (63), 2 слитных и 2 отдельных написания, встретившихся в Корпусе при передаче слов *никем не(.)победимая* из текста песни «Москва майская», и т. д.

Во-вторых, следует помнить, что если наличие агентивного дополнения, нехарактерного для прилагательных, является аргументом в пользу признания спорной формы причастием, то отсутствие агентивного дополнения в конкретном примере само по себе не говорит об адъективации [Калакуцкая 1971: 148].

5.1.5. Образование кратких форм

В отличие от полноценных причастий (см. п.3), потенциальные образования с суффиксами страдательных причастий настоящего времени сравнительно регулярно используются в предикативной позиции в краткой форме:

- (64) Граница между этим и иным миром *была проницаема* в обоих направлениях. [С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999)]
- (65) Роскошь морозной ночи *была непередаваема*. Мир был на душе у доктора. [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]

5.1.6. Образования с потенциальной семантикой от глаголов СВ

В литературе многожды отмечалось, что потенциальную интерпретацию могут иметь не только формы, совпадающие со страдательными причастиями настоящего времени глаголов НСВ, но и морфологически параллельные им формы, образованные от глаголов СВ³⁰. Н. Е. Петрова обосновывает тезис о том, что это «родственные классы форм» [Петрова 2008: 90], среди прочего, наличием контекстов, в которых формы двух типов входят в один сочинительный ряд — без очевидной разницы в грамматическом значении:

³⁰ Ср. также аналогичные по значению формы, которые не связаны по происхождению с релятивизацией прямого дополнения, т. е. произведенные от непереходных глаголов (*несгораемый, неувядаемый*). В подавляющем большинстве случаев такие единицы обозначают способность или, чаще, неспособность того или иного пациентивного участника, выражаемого в позиции подлежащего при непереходном глаголе, подвергаться какому-либо воздействию внешней среды.

- (66) ... концептуальные основания отдельных ЧР *неустранимы* <СВ — С.С.>, *неотторгаемы* <НСВ — С.С.> (Е. С. Кубрякова. Семантика и функции словообразовательных процессов) [там же: 97]
- (67) ... если же считать, что значение слова — нечто *неделимое* <НСВ — С.С.>, *неопределяемое* <НСВ — С.С.>, *неощутимое* <СВ — С.С.>, аморфное, то тем самым отрицается способность лингвистики анализировать... (Р. Т. Кияк. Мотивированность лексических единиц) [там же: 97]

Итак, потенциальное прочтение доступно и для форм, образованных от глаголов НСВ, и для форм, образованных от глаголов СВ. Это наблюдение является аргументом против трактовки потенциальных форм, образованных от глаголов НСВ, как причастий по двум причинам.

Во-первых, при признании форм, образованных от глаголов НСВ (ср. *(не)определяемое*), причастиями, открывается две дальнейшие возможности.

1) Признать аналогичный статус и за формами типа *(не)ощутимый*; это решение противоречило бы логике устройства парадигм глаголов СВ: соответствующие формы оказались бы единственными формами настоящего времени, при этом очень далекими по своим свойствам от других форм этих глаголов.

2) Считать, что от глаголов СВ образуются все-таки не причастия, а что-то иное (прилагательные, псевдопричастия). При выборе такой интерпретации оказывается, что формально и семантически параллельные образования от глаголов СВ и НСВ получают принципиально разную трактовку.

Во-вторых, анализ семантики форм на *-мый*, образованных от глаголов СВ и НСВ, показывает, что в них происходит нейтрализация видового противопоставления. Отмечалось, что даже те потенциальные формы, которые формально производны от глаголов НСВ, по смыслу соотносятся именно с парным глаголом СВ, выражают идею недостижимости **результата**, ср. «*несгибаемый* — ‘такой, который нельзя согнуть’, *незабываемый* — ‘такой, который нельзя забыть’» [Лопатин 1966: 39]. Таким образом, в формах, образованных от глаголов НСВ, семантика глагольной категории вида существенным образом ослаблена или нейтрализована, что может трактоваться как один из признаков адъективации, ослабления глагольности.

ПРИМЕЧАНИЕ. Интересно, что наблюдения об ослаблении категории вида в обсуждаемых образованиях приводят некоторых исследователей к мысли

о том, что образования на *-мый*, произведенные от парных видовых глаголов, должны быть взаимозаменяемы. Так, Н. Е. Петрова приводит следующий список синонимичных и взаимозаменяемых, по ее утверждению, видовых коррелятов: «неустрашимы — неустрашаемы, неотторжисимы — неотторгаемы, неразделимое — неделимое, неопределимое — неопределяемое, неощутимое — неощущаемое» [Петрова 2008: 97].

Однако обращение к Корпусу показывает несколько иную картину. В Таблице 9 приводятся данные о встречаемости образований с *не* и суффиксом, ожидаемым для страдательного причастия настоящего времени, для нескольких пар глаголов. В тех клетках, где образование нужной формы явно затруднено из-за ограничений морфемного плана (см. о них п.1.2), в скобках приводится инфинитив соответствующего глагола.

Таблица 9. Частотность потенциальных образований типа *не-V-мый* в некоторых видовых парах

НСВ		СВ	
<i>невозвращаемый</i>	3	<i>невозвратимый</i>	242
<i>невоображаемый</i>	24	<i>невообразимый</i>	1332
<i>невыносимый</i>	5475	<i>невынесомый (?)</i>	0
<i>неделимый</i>	678	<i>неразделимый</i>	251
<i>недоказываемый</i>	0	<i>недоказуемый</i>	125
<i>недопускаемый</i>	0	<i>недопустимый</i>	2072
<i>незабываемый</i>	1257	(забыть)	–
<i>неизменяемый</i>	112	<i>неизменяемый</i>	10
<i>неисправляемый</i>	0	<i>неисправимый</i>	657
<i>ненарушаемый</i>	8	<i>ненарушимый</i>	314
<i>неописываемый</i>	0	<i>неописуемый</i>	857
<i>неопределяемый</i>	37	<i>неопределимый</i>	169
<i>неосознаваемый</i>	82	<i>неосознаемый (?)</i>	0
<i>неотделяемый</i>	4	<i>неотделимый</i>	665
<i>неотторгаемый</i>	0	<i>неотторжисимый</i>	24
<i>неощущаемый</i>	3	<i>неощутимый</i>	201
<i>непереводимый</i>	151	(перевести)	–
<i>непоправляемый</i>	0	<i>непоправимый</i>	1414
<i>непотопляемый</i>	101	<i>непотопимый</i>	0
<i>непреодолеваемый</i>	0	<i>непреодолимый</i>	1992
<i>неприменяемый</i>	4	<i>неприменимый</i>	325
<i>непробиваемый</i>	147	(пробить)	–
<i>несгибаемый</i>	321	(согнуть)	–
<i>неулавливаемый</i>	0	<i>неуловимый</i>	2762
<i>неустрашаемый</i>	0	<i>неустрашимый</i>	259

Основной вывод, который позволяют сделать данные в Таблице 9, состоит в том, что во всех рассмотренных парах потенциальная форма, образованная от одного из членов пары, намного частотнее зеркальной по виду формы (в таблице более частотные варианты выделены полужирным шрифтом), при этом для большинства пар в Корпусе вообще фиксируется только одна

из сравниваемых форм. Также можно заметить, что в большинстве случаев, когда нет формальных препятствий для образования искомой формы от глагола СВ, такая форма образуется и оказывается намного частотнее соответствующей формы, образованной от глагола НСВ (ср. *невозвратимый, невообразимый, неотделимый*). Потенциальные формы от глагола НСВ частотны преимущественно в тех случаях, когда от парного глагола СВ необходимую форму образовать невозможно (ср. *невыносимый, незабываемый, несгибаемый*).

Из сделанных обобщений есть несколько исключений, например использование форм *непотопляемый, неизменяемый*, а не как будто бы возможных *непотопимый, неизменимый*. Эти исключения требуют изучения и осмысления. Также требуют осмысления некоторые частные отклонения, например акцентуация в формах типа *наруши́мый, исправи́мый, поправи́мый* (по правилу, действующему для страдательных причастий настоящего времени, ожидалось бы ударение на предшествующем слоге, см. п. 1.3); чередования в основе слов *недоказуемый, неопи́сываемый*; частотность образования *непотопляемый* на фоне редкости глагола *потоплять*; некоторые нетривиальные случаи семантического развития (*неделимый, неизменяемый*) и т. д.

5.1.7. Обобщение

Итак, регулярность образования и употребления форм типа *изменяемый*, а также присущая им семантика потенциальности не противоречат рассмотрению их в качестве разновидности страдательных причастий настоящего времени. В то же время отсутствие в них выраженной видовой оппозиции, затрудненность использования с агентивным дополнением и способность образовывать краткие формы свидетельствуют об адъективации.

5.2. Другие случаи

Помимо продуктивной модели развития потенциального значения, образования, которые внешне выглядят как страдательные причастия настоящего времени, могут демонстрировать индивидуальные сдвиги в значении, свидетельствующие об адъективации: *любимый, видимый* ‘заметный, доступный наблюдению’, *уважаемый* и т. д. В подавляющем большинстве случаев адъективированные употребления (68) сосуществуют с такими употреблениями, в которых те же формы (69) ведут себя как причастия:

- (68) Впрочем, при *видимой* лени он успевает наловить немало добычи — крохотных рачков и мальков. [«Знание — сила» (2003)]
- (69) Они шли широко, грудью, такие же отлично *видимые* врагом, как и мы. [Э. Лимонов. Книга воды (2002)]

Помимо сдвига лексического значения, благодаря которому происходит отрыв от глагольной парадигмы, обсуждаемые формы часто обнаруживают и грамматические признаки, свидетельствующие об адъективации: возможность образования кратких форм и степеней сравнения, утрату способности сочетаться с типичными глагольными зависимыми. В ряде случаев, впрочем, эти признаки сочетаются друг с другом не вполне последовательно, см. [Холодилова 2011: 11], где показывается возможность образования степеней сравнения (признак адъективации) и одновременного использования агентивного дополнения (признак сохранения причастного статуса), как в следующем примере, приводимом там же:

- (70) Блудный сын, потерянная и опять найденная монета дороже, *любимее Богом* тех, которые не пропадали. [Л. Н. Толстой. Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание (1893)]

Нетривиальный сценарий лексикализации, отрыва от глагольной парадигмы, характерен для причастия *судимый*; для него фиксируется нетипичная для других форм с этим суффиксом аспектуально-таксисная интерпретация: обычно оно используется в общефактическом значении, реферируя к ситуации, однократно или многократно имевшей место в неопределенный момент до времени наблюдения. Показательно в этом смысле обсуждение Н. А. Козинцевой предполагаемой способности страдательных причастий настоящего времени обозначать «многократное действие, имевшее место до основного действия (при наличии обстоятельств счета или кратности)» [Козинцева 2003: 184]. Н. А. Козинцева иллюстрирует это утверждение следующим примером со словом *судимый*:

- (71) К десяти годам колонии строгого режима приговорен Ставропольским краевым судом Иван Сиденко, *ранее четырежды судимый*.

На самом деле, как уже говорилось в п.4, сочетаемость с обстоятельствами кратности нехарактерна для настоящих страдательных причастий настоящего времени. Из 29 случаев, когда слово, являющееся страдательным причастием настоящего времени, или омонимичное такому причастию слово используется в текстах Корпуса, созданных после 1950 года, на расстоянии 1 или -1 от обстоятельства кратности на *-жды*, 20 приходится именно на *судимый*. Это же слово может использоваться и в предикативной позиции в общефактическом

значении: *ранее не судима* (при едва ли возможном ^{??}*ранее не награждаема*, ^{??}*ранее не увольняема* и проч.).

Еще дальше от причастий отстоят такие образования на *-мый*, которые лишь формально могут быть соотнесены с существующими глагольными лексемами, но значение которых не может быть выведено из значений соответствующих глаголов, ср. *гонимый* (*гонимая наука, нация*, но ^{??}*эту науку, нацию гнали*), *вменяемый*, *мнимый*, *необходимый*.

Наконец, фиксируются и такие образования, в составе которых как будто бы также можно выделить суффикс страдательного причастия настоящего времени, но структура которых при этом не соответствует формальным закономерностям образования причастий: *неколебимый* (ср. *колебать*, ожидается *неколеблемый*), *искомый* (оказывается *ищемый*); в предельном случае для образований на *-мый* синхронно не восстанавливается глагол, к которому их можно было бы возвести (*знакомый*, *заведомый*).

ПРИМЕЧАНИЕ. Одним из признаков адъективации причастий является возможность образования абстрактных существительных на *-ость* (для неадъективированных страдательных причастий настоящего времени такая словообразовательная модель нехарактерна, как и для других причастий). В первую очередь это характерно для слов с потенциальной семантикой (*делимость*, *неделимость*, *управляемость*, *непознаваемость* и т. д.), но аналогичные по форме и разнообразные по семантике дериваты фиксируются и для некоторых других адъективированных причастий: *судимость*, *видимость*. Особую группу составляют существительные на *-ость*, имеющие различные абстрактные значения, в том числе обозначающие частотность или повторяемость тех ситуаций, которые выражаются соответствующими глаголами: *собираемость* (*урожая*), *раскрываемость* (*преступлений*), *встречаемость* (*заболеваний*), *рождаемость* и т. д. Об этом говорит, в частности, то, что во многих случаях существительные на *-мость* образуются вообще минуя фазу причастия или прилагательного на *-мый*, ср. *заболеваемость* (**заболеваемый*), *выживаемость* (но ^{??}*выживаемый* в искомом значении). Также можно заметить, что образование отглагольных существительных на *-мость* не связано жестким образом ни с переходностью производящего глагола, ни с пациентивной семантикой, ср. *заболеваемость*, *стоимость*, *свертываемость*, *встречаемость*, *успеваемость*, *решимость* и т. д.

Некоторые случаи субстантивации страдательных причастий настоящего времени (через фазу прилагательного или минуя ее) обсуждаются в [Исаченко 1960/2003: 552], например: *обвиняемый*, *содержимое*, *ископаемое* и проч.

6. Конкуренция страдательных причастий настоящего времени и действительных причастий настоящего времени возвратных глаголов с пассивным значением

Существует два типа причастий, обладающих грамматическими признаками страдательного залога и настоящего времени. Наряду с собственно страдательными причастиями настоящего времени (*обучаемый*) это также действительные причастия настоящего времени, относящиеся к подпарадигме пассивного залога и содержащие постфикс *-ся* (*обучающийся*), ср. также *подвергаемый / подвергающийся, хранимый / хранящийся, называемый / называющийся, производимые / производящиеся, закрываемый / закрывающийся, используемый / использующийся*. Несмотря на различие в системных отношениях с другими формами, в итоге два типа форм фактически имеют один и тот же набор грамматических признаков и занимают одну и ту же парадигматическую нишу. Эта ситуация, характерная именно для причастий и не фиксирующаяся для личных форм глагола, давно отмечалась в литературе [Пешковский 1928/2001: 123]; [Исаченко 1960/2003: 552]; [Gerritsen 1988]; [Холодилова 2011: 86–90].

Обсуждаемые два типа причастий не только обладают одинаковым набором грамматических признаков, но и вступают в отношения конкуренции в тексте, т. е. часто могут использоваться в похожих контекстах:

- (72) Тогда юристы из английской адвокатской конторы «Дейвис Арнольд Купер» рекомендовали банку обратиться в Тайный совет, являющийся высшей апелляционной инстанцией по делам, *рассматривающимся* в судах бывших колоний Великобритании. [«Финансы и кредит» (2003)]
- (73) Можно выделить три основные категории арбитражных дел, связанных с применением налогового законодательства, *рассматриваемых* в арбитражных судах. [«Арбитражный и гражданский процессы» (2004)]

В такой ситуации необходимо попытаться установить закономерности, которые регулируют выбор между двумя вариантами. **Абсолютных** ограничений, однозначно определяющих выбор, немного; они в основном связаны с невозможностью образовать формы синтетического пассива (см. об этом Возвратность / п.2.2) или, чаще, причастие на *-м-* (см. об семантических и формальных ограничениях

на образование этих причастий в п.1.2 и п.2.1 выше) и с семантикой того и другого [Gerritsen 1988: 107–138]. Так, например, у глагола *петь* отсутствует страдательное причастие настоящего времени, поэтому единственное причастие, при помощи которого можно передать необходимое значение, — это *поющий*:

- (74) Какая-то сумасшедшая, завораживающая музыка, сносящая все вокруг, *поющая* странными женскими голосами... [А. Розенбаум. Бультерьер (1987–1998)]

Помимо тривиальных абсолютных ограничений, можно назвать несколько тенденций, связанных с выбором между двумя типами форм.

1) А. М. Пешковский утверждал, что в случае, если страдательное причастие на *-м-* в принципе может быть образовано, оно безусловно предпочитается причастию на *-щийся*. Он объяснял эту предполагаемую тенденцию тем, что причастия на *-м-* специализированы на выражении пассива, в то время как действительные причастия с возвратным показателем могут иметь множество разных значений, из которых пассивное далеко не всегда является центральным [Пешковский 1928/2001: 123].

В целом, действительно, страдательные причастия на *-м-* гораздо частотнее действительных причастий на *-щийся*, имеющих пассивную интерпретацию. Однако распределение частотностей двух возможностей неодинаково для разных глаголов, см. Таблицу 10.

Таблица 10. Частотность полных форм двух типов причастий настоящего времени, имеющих пассивное значение: избранные глаголы (Основной корпус)

страдательное			возвратное		
	N	%		N	%
<i>называемый</i>	22 577	99 %	<i>называющийся</i>	160	1 %
<i>используемый</i>	2739	97 %	<i>использующийся</i>	72	3 %
<i>производимый</i>	1840	96 %	<i>производящийся</i>	70	4 %
<i>обучаемый</i>	237	41 %	<i>обучающийся</i>	340	59 %
<i>хранимый</i>	341	35 %	<i>хранящийся</i>	620	65 %
<i>подвергаемый</i>	74	30 %	<i>подвергающийся</i>	170	70 %

Данные в Таблице 10 показывают, что между разными глагольными лексемами существуют значительные различия и что, более того, существуют такие глаголы, для которых возвратные пассивные причастия предпочтительнее существующих страдательных причастий настоящего времени. При этом необходимо признать, что сведения о текстовой частотности представляют общую картину в упрощенном виде,

так как на самом деле в отдельных парах могут существовать частные семантические и стилистические различия, обуславливающие характер распределения причастий двух типов по текстам.

2) А. В. Исаченко заметил, что пассивные причастия на *-щийся* «обычно употребляются без указания действующего лица в творительном падеже» [Исаченко 1960/2003: 552]. Это наблюдение, в подтверждение которому А. В. Исаченко не приводит никакого эмпирического материала, можно, видимо, разбить на два утверждения. Во-первых, как показывает М. А. Холодилова на основании корпусных подсчетов, «[и]спользование пассивных причастий на *-ся*, по всей видимости, предпочтительно при невыраженном и неважном для ситуации агентивном участнике» [Холодилова 2011: 87]. Во-вторых, при пассивных причастиях на *-ся* чаще возможно выражение участника, соответствующего подлежащему переходной конструкции, не дополнением в творительном падеже, а каким-либо другим способом; эта мысль высказывается и статистически обосновывается в [Коломацкий 2009: 238], М. А. Холодилова подтверждает ее подсчетами на материале пары причастий *теряющийся* (*у меня*) и *теряемый* (чаще *мною*) [Холодилова 2011: 88].

3) М. А. Холодилова показывает, что, как и другие причастия настоящего времени, причастия на *-щийся* в пассивном значении плохо сочетаются с шифтерными обстоятельствами, отсылающими к прошлому (*тогда*), а для страдательных причастий настоящего времени это ограничение действует не так строго [Холодилова 2011: 89]. Это утверждение иллюстрируется примером, приводимым здесь под номером (75), то же фиксируется и во многих других случаях:

(75) *Доставаемые раньше* с огромным трудом и являвшиеся огромной ценностью пластинки западных музыкантов стали продаваться открыто. [«Известия» (2002)]

При использовании возвратного пассивного причастия в таком контексте предпочтение было бы, видимо, отдано причастию прошедшего (*достававшиеся*), а не настоящего (*достающиеся*) времени. Это наблюдение еще раз подтверждает, что страдательные причастия на *-мый* сравнительно подвижны в плане темпоральной и таксисной интерпретации.

4) М. А. Холодилова отмечает, что причастия на *-мый* несколько чаще, чем причастия на *-щийся* в пассивном значении, используются рестриктивно (ср. 64% против 43% для пары *проводимый* и *проводящийся*) [Холодилова 2011: 89].

5) Н. Герритсен предполагает, что причастие на *-щийся* в пассивном значении несовместимо с актуально-длительной интерпретацией (как и вообще формы возвратного пассива на *-ся*) [Gerritsen 1988: 107 ff.], противопоставляя их в этом смысле причастиям настоящего времени на *-мый*. Видимо, в целом представленный контраст существует, однако в реальных текстах и причастие на *-мый* в современном русском языке в актуально-длительных контекстах почти не употребляется, см. п.4.

7. Библиография

- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. М.: Языки русской культуры. 1997.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.–Л.: Учпедгиз. 1947.
- Грамматика 1980 — Шведова Н. Ю. (Ред.) Русская грамматика. Т. I–II. М.: Наука. 1980.
- Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. М.: Наука. 1980.
- Греч Н. Пространная русская грамматика. Т. 1. Изд. 2-е, исправленное. СПб. 1830.
- Еськова Н. А. Рецензия на [Сазонова 1989] // Н. А. Еськова. Избранные работы по русистике. Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: Языки славянских культур. 2011. С. 243–250. Впервые напечатано в *Russian linguistics*, 15. 1991. С. 89–96.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русские словари. 2003 [1-е изд. — М. 1977].
- Иванова В. Ф. Переход причастий в прилагательные (на материале страдательных причастий настоящего времени) // Учен. зап. ЛГУ. № 302. Сер. филол. наук. Вып. 51. 1962. С. 3–26.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I–II. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры. 2003. (1-е изд. — Братислава. 1954–1965).
- Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М.: Наука. 1971.
- Карцевский С. Система русского глагола // Вопросы глагольного вида. М. 1962.
- Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур. 2007.
- Князев Ю. П. Страдательные причастия. В печати.
- Козинцева Н. А. Таксисные функции, передаваемые причастиями и причастными оборотами, в русском языке // Бондарко А. В., Шубик С. А. (Отв.

- ред.) Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность. СПб.: Наука. 2003. С. 175–189.
- Коломацкий Д. И. Дистрибуция русских пассивных форм: корпусное исследование. Дисс. ... к. филол. н. М.: МГУ. 2009.
- Крапивина К. А. Причастный таксис в русском языке. Дипломная работа. СПб.: СПбГУ. 2009.
- Летучий А. Б. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы // Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (Ред.) Acta Linguistica Petropolitana, X(3). Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata. СПб.: Наука. 2014. С. 365–395.
- Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб.: Императорская академия наук. 1755.
- Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопросы языкознания, 5. 1966. С. 37–47.
- Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении, 1. 2001. С. 52–79.
- Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры. 2010 [1-е изд. — М. 1996].
- Петрова Н. Е. Отглагольные прилагательные на -м- и страдательные причастия настоящего времени: проблемы дифференциации и взаимодействия // Русский язык в научном освещении, 2(16). 2008. С. 89–109.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры. 2001 [1-е изд. — 1914, 3-е изд., переработанное — 1928].
- Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы. М.: Русский язык. 1989.
- Сичинава Д. В. Несовершенный вид // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2013.
- Холодилова М. А. Релятивизация О-участника при пассиве в русском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики. СПб.: СПбГУ. 2011.
- Храковский В. С. Пассивные конструкции // Бондарко, А. В. (Ред.) Теория функциональной грамматики. Персональность, залоговость. СПб.: Наука. 1991. С. 141–180.
- Fowler G. Oblique passivization in Russian // The Slavic and East European Journal, 40(3). 1996. P. 519–545.
- Gerritsen N. How passive is 'passive' *-sja*? // Dutch contributions to the tenth international congress of slavists. Amsterdam. 1988. P. 97–180.